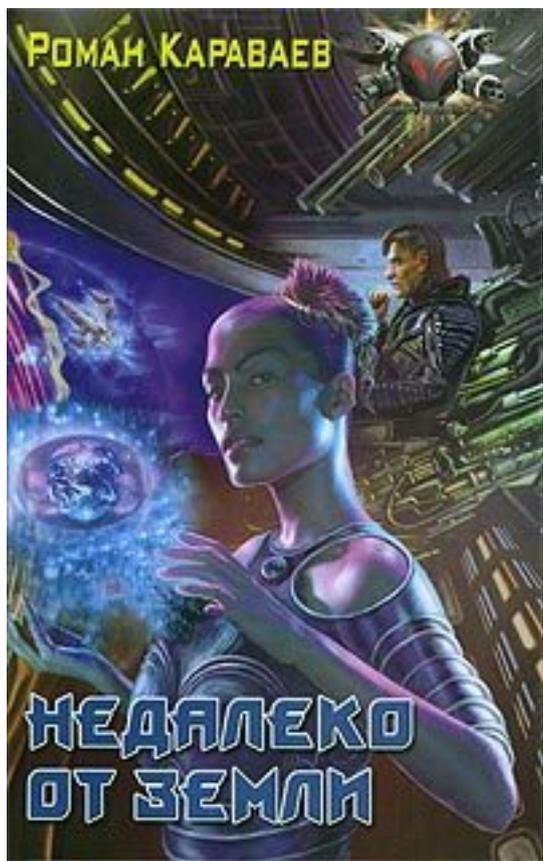

РОМАН КАРАБАЕВ

НЕДАЛЕКО
ОТ ЗЕМЛИ

Роман Караваяев
Недалеко от Земли

«Лениздат»

2006

Караваем Р.

Недалеко от Земли / Р. Караваем — «Лениздат», 2006

Открытие нового способа перемещения в пространстве позволяет земному человечеству быстро, эффективно и экономично освоить ресурсы Солнечной системы. Казалось бы, и до звезд теперь рукой подать, все они ныне недалеко от Земли. Но неожиданно первые исследователи наталкиваются на непреодолимое препятствие – таинственную Сферу, перекрывающую людям выход на галактические просторы. Мало того, астронавты, непосредственно столкнувшиеся с загадочным космическим феноменом, обретают фантастические способности, мгновенно ставящие их в ряд суперменов. Однако далеко не все астронавты. Что является причиной этого? Вопрос чрезвычайно важный и для ученых, и для политиков, и для спецслужб. За группой испытателей, старающихся скрыть свои новые умения от остальных, начинается охота.

© Караваем Р., 2006

© Лениздат, 2006

Содержание

Пролог	5
1	9
2	25
3	39
4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Роман Караваев

Недалеко от Земли

*Чем дольше вы ждете, тем больше вероятность, что вы ждете
не там.*
Эмпирическая истина

Пролог

Кипящий столб огня вымахнул из придорожного кустарника и уперся в левый борт БТР, чуть пониже оружейной башенки. Шквалом взрывной волны Никиту смело брони. Распластавшись в воздухе, он видел, как мед-лен-н-но, словно в рапидной съемке, перемещаются вслед за ним какие-то темные твердые обломки, рваные клочья чего-то мягкого и податливого, видел, как язык остановившегося в ярости пламени начинает напозать на металл, как плавно тонут в дорожной пыли бесформенные тела в маскировочных комбинезонах... А потом мир вдруг раскололся на разноцветные брызги...

Никита рывком сел, сбрасывая одеяло. Грудь ходила ходуном, с хрипом выталкивая воздух из легких. Лоб покрывала ледяная испарина. Кажется, он даже кричал во сне. Хотя полной уверенности не было. Так, где-то на грани восприятия. Он слепо смотрел перед собой остановившимся взглядом. Привычно... И вспоминал...

Этот ночной кошмар преследовал его уже одиннадцать лет. С того самого дня, когда двери госпиталя закрылись за его спиной, и он, даже не обернувшись, чтобы попрощаться еще раз (с теми, к кому он привязался, он простился в палате), неторопливо пошел навстречу новой жизни...

Медсестры говорили, что его собирали буквально по частям. «Организм тренированный и живучий», – главврач... «Интересно, как тебя довели-то? Смотреть не на что было...» – Колян с соседней койки. «М-м-да... Всё это более похоже на чудо. Ваш ангел-хранитель очень постарался», – лечащий доктор.

Действительно, он даже не хромал после выписки. И руки не потеряли гибкости. Короче, об ограничении подвижности не шло и речи. Тело восстановилось полностью. Но пострадал дух. И надо было как-то этот самый дух воспитывать заново...

На работу он устроился в охрannую фирму. А куда еще он мог податься? Списанный подчистую бывший спецназовец... Бывший солдат... Бывший убийца... В каком еще качестве он мог предложить себя? Конечно, такая работа была скучна для него, масштабы не те, да и пространство инициативы съезжилось до нуля. Но он давно приучил себя довольствоваться малым, когда нельзя рассчитывать на большее.

А потом вдруг случилась сумасшедшая, невозможная любовь. И всё на свете перестало для него существовать. Кроме женщины, которую он боготворил. Остальное съезжилось, как проколотый воздушный шарик, и беспокойно мерцало где-то в уголке сознания. Даже на службе он постоянно думал о ней, что, безусловно, мешало ему, он вечно отвлекался, не замечая мелочей, которые обязан замечать, и поэтому неминуемо совершал ошибки. Если в самом начале его деятельности начальство не могло нарадоваться, что заполучило столь ценного работника, то теперь оно так же законно недоумевало и терялось в догадках о причинах весьма разительной перемены.

Какие у нее были глаза! «Зеленые распутные глаза». Откуда это?.. А губы... С ароматом земляники... Нежные и податливые... А тело! Описать человеческим языком невозможно. Роскошное тело. А как она шла по улице... Слегка откинув голову назад и покачивая бедрами...

Определенно, он сходил с ума. Был ли он счастлив тогда? Сейчас он не мог даже приблизительно ответить на подобный вопрос. Скорее это было наваждение. Морок. Он просто не был готов к такому.

Фантастическая история любви длилась почти полгода, а потом она сказала, что пришла пора расстаться. «Ты думал, это будет продолжаться вечно? Нет, милый, так не бывает». Чужая женщина. Застывшее лицо. Холодные глаза... Он тогда впал в жестокую депрессию, едва не наделал глупостей...

А потом плюнул на немилосердную судьбу и уехал. Далеко. Почти на край света. В тайгу... Бросил всё. К чертовой матери... Захотелось чего-то попроще и попонятнее. Устроился на работу в лесничество. Подальше от людей. Он не стал мизантропом, скорее ему надо было разобраться в самом себе. В деревне Елань, самой близкой к его обиталищу, он коротко сошелся с местным священником, отцом Василием. Наверное, чтобы можно было изредка отпускать тормоза. Сбрасывать накопившееся в душе. А кому еще исповедоваться, если не священнику?.. Раз в месяц он приходил в деревню.

Они разговаривали. Летом на веранде уютного «поповского домика» неподалеку от маленькой деревянной церквушки пили чай. С травами. В травах оба понимали. Зимой же, долгими темными вечерами позволяли себе оприходовать бутылочку брусничной настойки... «Ничего просто так не бывает, Никита, – вздыхал отец Василий. – Возможно, это кара господня. Только Он знает, где мы оступились... Хотя, – рассудительно продолжал он, – человек всегда должен думать о последствиях поступков своих...» «Если Бог на самом деле есть, почему же в мире всё так плохо?» – «Всё ли?» – «Очень многое». – «Мы не можем судить о том, что нам недоступно... Но думать об этом надо... Каждому по делам и вере его».

А во что верит он? В высшие силы, управляющие миром? Да нет, полная ерунда. В то, что всё на свете взаимосвязано? Так это – аксиома. Убедился на собственной шкуре...

* * *

Плотный предрассветный сумрак, казалось, гасил любые звуки. Короткими перебежками, бесшумно, они подбирались к окраине селения. Он – в центре, справа – Серега Новиков, а слева – Толик Заикин по прозвищу Топчан. Остальные заходили с флангов. Кустарник подступал почти к самому дому, где, по данным разведки, расположились боевики. Чистого пространства оставалось метров пятьдесят. Залегли. Осмотрелись... Подождали, пока подтянутся еще две группы. Серега приподнял голову, всматриваясь в темные окна, дернулся и обмяк. А потом Никита услышал звук выстрела. Лучшего друга Новикова, с которым они вместе, с первого курса училища, делили всё пополам, не стало. Это он почувствовал сразу – морозная волна прокатилась по позвоночнику. И почти тут же его захлестнули отчаяние и ярость. Он перестал думать. Остались одни рефлексy. Время остановилось. Положив автомат набок, он нажал на спусковой крючок. Коротко ухнул подствольник, и граната, разбрызгивая оконные стекла, ушла в дом. Рвануло так, будто это был фугас. Сумасшедший огонь, родившийся в глубине здания, разодрав окружавшие его стены, выплеснулся наружу...

Там, во вражеском убежище, было много взрывчатки... А еще там были женщины и дети... Он не знал об этом, но что с того...

Застыв, он сидел над телом Сереги, которому пуля вошла в переносицу, и отстраненно ощущал, как наваливается безумие. Они убили его друга, а он... Он в ответ забрал жизни множества людей, в том числе и ни в чем неповинных людей...

А на обратном пути на базу случилось то, что мучает его ночами уже целую вечность. Истинно: каждому по делам его...

Никита на миг вырвался из цепких лап памяти и отер холодную испарину со лба. Оказалось, что он стоит у окна кухни и слепо всматривается в морозную выюжную темень снаружи.

Ветер налетал порывами, забрасывая стекло снежной крупой. Возле ног суетно маялся верный пес Играй, преданно заглядывая снизу вверх в глаза хозяину. Никита потрепал его по загривку и прошлепал босыми ногами к печке. Присев, осторожно приоткрыл печурку. Дрова почти прогорели, оставались лишь угли, раскаленно пробивавшиеся сквозь слегка подернувший их пепел. Он подбросил еще поленьев, лежавших тут же, под рукой, на поддоне. Распрямился, аккуратно выдвинул выюшку. И снова не в меру услужливая память распахнула перед ним дверь в прошлое...

Избушка, доставшаяся ему от прежнего лесника, ни в коей мере его не устраивала. Никита решил построить новый дом. Руки занять, да и голову отвлечь. Он возводил свое нынешнее жилище четыре года. В одиночку. За это время он перечитал массу литературы на интересующую его тему, узнал уйму любопытных деталей, о которых раньше и не подозревал, придумал изрядное множество всевозможных приспособлений, существенно облегчивших его работу. Собственно, без них Никита один и не справился бы. И вот построил-таки... Двухэтажный прекрасный сруб с галереями, хозяйственными пристройками и банькой... Это на определенное время почти отвлекло его от мучительных воспоминаний, но по большому счету не помогло. Так же, впрочем, как и его безумная городская любовь. Ночные кошмары не отпускали...

Как-то, года три назад, под Рождество, раздался осторожный стук в дверь. Он не смотрел в окно, он читал шарденовский «Феномен человека», удобно расположившись за кухонным столом. Все посторонние звуки перекрывало мерное тарахтение дизель-генератора за стеной, возможно, поэтому Никита и не услышал скрипа шагов нежданного гостя. «Входите», – рявкнул он, поднимаясь со стула.

Дверь распахнулась, и в клубах морозного воздуха через порог ступил отец Василий с хитрящей улыбкой на губах. «Здрав будь, лесниче!» – кротко произнес он, снимая шапку. Пола его овчинного тулупа подозрительно оттопыривалась. «И вам здоровья, батюшка, – отвечивал Никита. – Никак с сюрпризом пожаловали?» – «Да уж, приготовил тебе, отшельник, подарочек! А то ты всё один да один».

С этими словами отец Василий отогнул полу побольше, и из-под нее выглянула потешная щенячья мордочка. Так Никита обрёл верного друга. Назвал его странноватым именем Играй, вспомнив, что так кликали собаку в каком-то старом фильме. С тех пор Играй давно превратился в рослую веселую лайку «мужского полу», постоянно сопровождавшую хозяина во всех его предприятиях. Днем стало полегче, но ночами, когда пёс чутко дремал на своем половичке, жестокое видение продолжало преследовать Никиту...

По утрам он давно уже занимался «самосовершенствованием». Ежедневно. В любую погоду. Вставал в шесть, делал пробежку до облюбованной в незапамятные времена полянки, а там уж отпускал себя на полную катушку. Сначала – медленно-сосредоточенный древнекитайский комплекс «Тай-цзи цюань», потом – на скорости – бой с тенью, от «Малого красного кулака» до современной рукопашки с использованием подручных средств. Это занимало минут пятьдесят. И уже после всего – получасовая медитация, полное отключение от внешнего мира.

Зимой полянку, а также тропинку к ней приходилось еще и расчищать от снега. Верный пёс, находясь в щенячьем возрасте, сначала решил было, что все эти забавы для него, и прыгал на хозяина, широко растопырив лапы. Потом же, окончательно усвоив, что в такие минуты Никита сам по себе и не для него, носился кругами неподалеку, изредка оглашая лес коротким лаем...

Медитации помогли ему окончательно восстановить душевное равновесие, но за днем всегда приходила ночь, пора утраты контроля...

Пальцами босых ног Никита взьерошил шерсть на спине Играя и покосился на чайник. Чайник закипал. Мысли вяло толклись в голове, не вызывая особых эмоций. Похоже, он испробовал все средства за девять лет добровольной ссылки. Доступные ему средства. А ведь навер-

няка есть что-то такое, чего он пока не знает. До чего еще не доросло его сознание. Наверное, не зря этот сон преследует его. Чего-то он еще не сделал, чего-то главного... Иначе как вообще можно объяснить то, что с ним происходит? Каждый человек рождается не просто так. Он живет с определенной целью. С какой? Ведь не для того же, чтобы ублажать себя или убивать себе подобных? Так какова же цель? Вот, например, конкретно у него? Вопросы, на которые пока нет ответов... А он очень надеялся найти хотя бы часть ответа...

1

– Эй, на модуле, поднять якорь!

– Ага! Уже тащим! – Кобыш пощелкал клавиатурой, выходя в оптимальный режим. – Шутники... Ходовые испытания, а им все хиханьки...

– Да брось ты, Дим. Не обращай внимания. – Брюс уместился поудобнее и положил правую руку на джойстик. – Сейчас прыгать будем. Так что не отвлекайся.

– А ты молодец, капитан. Шпаришь по-русски, как на родном. Новая программа? Гипно? Ви-пи?

– Да. Новая программа. «Оксфорд-интер». Ви-пи. А, кроме того, после близкого знакомства с русскими парнями – это уже хобби. Мне нравится.

– Так держать, напарник. Надо и мне поплотнее заняться английским. А то дискриминация какая-то получается... А? Ты как считаешь?.. – и, не дождавшись ответа, добавил: – Ну, с Богом!

Створки люка раздвинулись, и модуль плавно выскользнул в открытый космос. В пяти километрах от Базы величественно парила абсурдных форм конструкция. Это и был «Пронизывающий пространство». Кратко «ПП». Среди конструкторов – ПП-1. Между своих, то бишь пилотов-испытателей, просто «папка». Внешние формы его никто не доводил. Не имело смысла. Неизвестно ведь, чем закончится первая серьезная проходка. Был бы результат, а вылизать обводы можно и потом. А сейчас весь персонал Базы занимали совершенно другие вопросы.

Творение безумного абстракциониста, рассчитанное, впрочем, на запредельные нагрузки и ведомое автоматикой, уже ходило к Луне в режиме прыжка сквозь пространство. Да не один раз, а, по крайней мере, пятнадцать. Никаких побочных эффектов приборы не регистрировали. Мыши, собаки и обезьяны, помещавшиеся в обитаемую капсулу, возвращались на Базу целыми и невредимыми. Поэтому наступило время увеличить дистанцию и вместо умных машин передать управление человеку. Да и научный контингент программы «ПП» жаждал получения непосредственных впечатлений от людей, которые побывают за гранью четырех измерений.

Реализация проекта, опекаемого ЮНЕСКО, проходила достаточно быстро. На основе разработок Международного института физики вакуума к концу первого года была создана опытная модель космического корабля, использующего принципиально отличающийся от существующих способ перемещения в пространстве. Теоретическую и аппаратную базу подготовили российские ученые во главе с академиком Вознесенским, а финансирование проекта взяло на себя НАСА. Поэтому «ПП» считался в основном российско-американским детищем. С примкнувшими к нему специалистами всех заинтересованных стран. Пока ученые, технологи и производственники занимались материализацией своих идей, исподволь сформировался отряд астронавтов-испытателей. Правда, было в нем всего семь человек, но отбирались они из многих и многих десятков желающих.

Новые разработки обещали весьма существенное сокращение расходов на освоение космического пространства, а учитывая то, что десятки миллиардов долларов, затраченные на 1-ю марсианскую экспедицию НАСА, практически не принесли каких-либо весомых результатов, программа «ПП» интересовала всех без исключения.

После памятного совещания в Берне, зимой позапрошлого года, когда, собственно, и утвердили эскалационное финансирование программы, работы по ее осуществлению пошли ударными темпами. В семистах километрах от Земли была выстроена орбитальная станция, основной задачей которой являлось обеспечение космического монтажа новых аппаратов и проведение их ходовых испытаний. Станцию, не растекаясь мыслию по древу, назвали «Базой» и отбуксировали на геостационарную орбиту, подвесив, для всеобщего удобства, точнехонько

над Берном. И вот к концу третьего года непрерывной работы обещал наступить момент истины. Первые испытатели, Дмитрий Кобыш и Брюс Тернер, направили отсоединяемый модуль к кораблю-носителю.

Когда паутинное переплетение металлических конструкций заполнило практически весь экран, Кобыш сказал:

- Брюс, переключи-ка на автоматику. Уже пора.
- Не нервничай, Дим. Все под контролем.
- Ну-ну...

Модуль притормозил, отработал сложную траекторию сближения с носителем и завис над стыковочной площадкой. Тернер щелчком клавиши запустил программу соединения. Корпус завибрировал, как будто судорога прошла по его напряженным мышцам, опоры мягко скользнули в электромагнитные крепления, а пневматические зажимы плотно охватили стыковые узлы. В свое время Брюс шумно недоумевал, зачем кроме электромагнитной нужна еще и пневматическая система. На что гранд-инженер Боря Калмыков укоризненно ответил: «Мы ведь не знаем, что будет в полете с электромагнитными полями. А старая добрая воздушно-механическая система всегда пригодится». После этой фразы капитан ВВС США Тернер стал относиться к Боре с преувеличенным уважением. Как к столпу техники безопасности.

– Операция завершена, – уведомил электронный голос.

– Ну и ладушки, – отреагировал Кобыш, откинулся на спинку кресла и, подмигнув Тернеру, произнес. – База, это ноль первый. Мы на месте. Приступаю к проверке адекватности реакций систем носителя командам управления модуля.

– Во, сказанул! – восхищенно всхлипнул динамик. – Полковник, ты хоть на нас изредка внимание обращай. У тебя же экран почти перед носом. Зачем их проверять-то? Они сто раз уже проверены.

– Для собственного спокойствия.

– А-а... Тогда потешьтесь, ребята. У вас до старта еще восемь минут.

– Брюс, запускай тестирование.

– Тестирование уже идет, сэр!

– Хорошо.

– Стараюсь, сэр!

– За проявленную высокую сознательность будете отмечены в приказе, капитан. От имени службы.

– За что... простите, полковник? Не всё по-русски я еще понимаю...

– И за это тоже.

– О'кей!

Кобыш повел глазом в сторону экрана. Почти весь персонал центра управления с интересом следил за их разговором. Руководитель полетов Слава Ли молча показал большой палец, а потом сказал:

– Отличный диалог, испытатели. Это верный знак того, что нервы у вас в порядке. Только не забывайте, что идет контрольная запись. И что вы уже практически вошли в историю.

– Служим Земле! – в один голос рявкнули пилоты и, переглянувшись, не удержались от насмешливого фырканья.

Мелодичный сигнал бортового компьютера оповестил об успешном завершении контрольной проверки. Тернер пробежался пальцами по клавишам и заявил:

– Системы в норме. Отклонений не обнаружено. К старту готов.

– К старту готов, – повторил Кобыш.

– Всем поста наблюдения готовность ноль, – Ли скосил глаза в сторону персонала центра. – Включить дублирующую запись... Старт разрешаю.

Тернер мельком скользнул по экранам, завозился, уstraиваясь поудобнее, и сообщил:

– Можно начинать.

– Тогда поехали, – сказал Кобыш и вдавил кнопку с надписью «Старт».

Дрогнул и заискрился интерьер рубки, смазались четкие контуры окружающих предметов. Погасли экраны связи. Пульт подернулся матовой пленкой. Воздух резко вытолкнулся из легких, как будто неведомый великан с силой сдавил грудную клетку. А в следующее мгновение на обзорном экране вместо привычной картинке обтекаемой чечевицы Базы появилась фантазмагорическая панорама лишенной атмосферы планетки. Кобыш недоуменно рассматривал расстилавшуюся в паре километров внизу серовато-желтую, местами красную, с массой оттенков – от кирпичного до светло-розового – поверхность, уходящую к близкому горизонту. Пейзаж, большей частью ровный, как стол, прорезали извилистые трещины, уходящие в черную глубину и странно контрастирующие с горообразными возвышениями, более похожими на верхушки распускающихся бутонов неведомых цветов из-за того, что они тоже были разорваны на части трещинами вертикальными. Всё это дополнялось заволаживающими глаз диковатыми наплывами и вулканическими обломками.

– Так, – хмуро подвел итог Кобыш. – Значит, Ио... Если бы не краски, достойные Дали, можно было бы подумать, что это Луна, – он повернул голову к Тернеру. – Интересно знать, кто задавал координаты выхода?

– Я, – смутился Брюс. – Извини, командир, но хотелось усмотреть поближе. Все-таки мы тут первые.

– Ты же знаешь, что не рекомендуется выходить так близко к поверхности. В следующий раз накажу.

– Как? – весело изумился Тернер.

– Розгами...

И пока Брюс, наморщив лоб, мучительно пытался сообразить, что имел в виду Кобыш, из-за горизонта Ио начала вырастать исполинская стена Юпитера. Казалось, что пространство сминается, расступается, крошится на множество кусков и издает скрежет и треск под напором колоссальной массы планеты, примерно так же, как паковый лед перед носом огромного ледокола. Мутные полосы облаков ползли в невообразимой толще атмосферы, расслаиваясь, переплетаясь, свиваясь в титанические вихревые образования. Они были здесь, почти рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки, заволаживая взгляд и обволакивая невидимыми, но неотразимыми флюидами. От гиганта веяло такой запредельной мощью, что астронавты невольно поежились. Ощущение было не из приятных, на миг почудилось, что преграду эту одолеть невозможно. Юпитер просто физически подавлял своей близостью.

Оторвавшись, наконец, от созерцания бешено клубящейся атмосферы, Кобыш сказал:

– Брюс, свяжись-ка с Базой. А то они, бедняги, уже волнуются. Мы молчим минут десять.

– А ведь мы первые, кто завидел Громовержца вблизи, – невпопад произнес Тернер, не отрываясь от обзорного экрана. Потом спохватился:

– Что сделать?

– Я говорю, вызови Базу. Отметиться надо. И вообще, забудь на время о приоритетах.

– Да, конечно, – капитан зашелестел клавишами. – Есть связь.

Экран выдал знакомую картинку центра управления. Изображение было четким, хотя и изредка подергивалось. Связь, основанная на информационном пакетировании высокого уровня, или, в просторечьи, ви-передача, находилась в процессе совершенствования, а где-то в огромном пространстве гуляли помехи.

Ли улыбался, глядя на пилотов. С видимым облегчением.

– Как прыгнули, ребята? Всё в порядке?

– Лучше не бывает. Мы в заданной точке. Даем панораму.

Теперь уже настала очередь персонала центра застыть в немом благоговении перед стеной-экраном и перед открывающимися перспективами покорения пространства. Результаты

испытаний вдохновляли и сулили невероятные возможности, которых доселе у человечества просто не существовало.

– О'кей, ребята! – Ли, казалось, источал удовлетворение. – Давайте запись приборов.

Тернер щелкнул клавишей:

– Почта, сэр.

Руководитель полетов некоторое время изучал полученную информацию, потом поднял голову и, глядя на испытателей, быстро произнес:

– Ну что ж, это пойдет в «Новости». А у нас по программе еще один прыжок. За пределы Системы. Готовы?

– Как всегда!

– Тогда до связи.

Кобыш глубоко вздохнул, подмигнул Тернеру и продекламировал:

– Он шел всё прямо и вперед, и всё вперед глядел... Как системы, Брюс?

– В норме, командир.

– Да-а-а... Так далеко от дома мы еще не забирались. Вроде всё в порядке, а под ложечкой сосёт. Стр-р-раш-но-ва-то как-то. А?

– «Под ложечкой сосёт» – это где?

– Ну-у, в общем... душа уходит в пятки.

– Душа – в пятки?

– Короче, не по себе.

Тернер озадаченно посмотрел на командира, потом лицо его озарила улыбка, и он понимающе кивнул:

– Всё о'кей, Дима! Страшно немного. Да. Я еще плохо знаю идиомы. Мне тоже... как это... не по себе.

– Тогда – порядок! Не испытывают страха только сумасшедшие и герои боевиков. Готовность – один!

– Есть, готовность один, – оба испытателя закрепились в креслах.

– Готовность – ноль. Старт!

Брюс щелкнул клавишей. Интерьер модуля метнулся из стороны в сторону. Вновь заискрилось перед глазами. И вновь моментально восстановилось.

На обзорном экране виднелась знакомая до слез чечевица родной Базы.

На обед Вивьен опоздала. Стараясь побыстрее закончить реферат о возможности влияния пространственного прыжка на психику людей, затребованный НАСА, она просто пропустила урочное время. Лучше бы, конечно, было подготовить его после собственного участия в испытаниях, когда можно опереться на личный опыт, но начальство осталось непреклонным, и Тараоки пришлось в спешке, анализируя по горячим следам поведение вернувшихся из полета, набрасывать основные моменты проведенных наблюдений. Ничего нового у своих друзей по команде она, естественно, не заметила, кроме одного, но немаловажного обстоятельства. Все испытатели после карантина неохотно шли на контакт с кем бы то ни было, даже с ней, казалось бы, самым близким человеком на Базе. Они вежливо улыбались, поддерживали разговор, шутили и, тем не менее, находились где-то по другую сторону невидимого барьера, вставшего непреодолимой стеной между ними, мгновенно преодолевшими пространство, и всеми остальными, такого деяния еще не совершившими. Вивьен не знала точного ответа на вопрос о возникновении подобной ситуации и потому отметила в реферате несколько вероятных вариантов разрешения конфликта. Собственно, она и задержалась, пытаясь максимально беспристрастно сформулировать свое мнение о послеполетном образе действий товарищей по команде. Завершив работу, она записала ее на диск и отнесла директору Штейнбергу для отправки на Землю. И только после этого двинулась в сторону «Харчевни».

Сие название, высокохудожественно намалеванное поверх входа в заведение общественного питания, где кормился весь состав Базы, было придумано русскими весельчаками из обслуживающего персонала. Они посчитали, что вывеска «Столовая» мало подходит для светлого, просторного, многоуровневого зала, к тому же мастерски оформленного дизайнерами проекта скорее под элитный клуб, нежели обычное функциональное место приема пищи. Окрестить же «Рестораном» или «Кафе» столь прозаическое по своему назначению помещение, несмотря на ступеньки и невысокие барьеры, разделяющие площадки с изящными столиками и удобными креслами для посетителей, тоже рука не поднималась. Поэтому, особо не задумываясь, и приняли нынешнее обозначение, благо, сути оно не искажало и, вместе с тем, как считали парни из технической obsługi, создавало романтический настрой.

С испытателями, уже насытившимися, но от этого не ставшими более приветливыми, Тараоки столкнулась в дверях «Харчевни».

– Извини, Вивьен, – буркнул Джек Клеменс, – мы ждали тебя довольно долго. Увы, – он развел руками.

– Ничего, – она мягко улыбнулась, проходя мимо посторонившихся товарищей. – К ужину постараюсь быть вовремя.

– Сейчас намечается сборище в кают-компании, – вслед ей сказал Виктор Хромов. – Мы хотим заранее занять места получше. Ты придешь?

– Непременно, – Тараоки, обернувшись, кивнула. – Зарезервируйте местечко рядом.

Она прошла к стойке, наугад выбрала три блюда, взяла чашечку дымящегося черного кофе, поставила все это на поднос и остановилась в нерешительности. Взгляд ее блуждал по залу в поисках столика с какими-нибудь знакомыми. Вивьен давно отвыкла обедать в одиночестве, да, честно сказать, и не любила этого. Пока она присматривалась, перед ней возник мощный силуэт, заслонивший сразу половину обзора.

– Сударыня, – раздалось сверху, – не составите ли нам компанию? Приятно, знаете ли, трапезничать в обществе прелестной дамы.

Тараоки подняла голову и увидела улыбающуюся добродушную физиономию. Мужчина, стоявший перед ней, выглядел могучим, или, вернее, довольно обширным. Более всего он напомнил ей Добрыню Никитича с известной картины русского художника Васнецова «Богатыри». Правда, растительность на его лице отсутствовала, и стрижка ничем не напоминала удалые кудри народного героя. А вот общее впечатление он производил именно такое. Она едва доставала ему до подбородка, хотя для японки рост ее был достаточно высок.

– Андрей, – прогудел геркулес, протягивая огромную лапищу и забирая у Тараоки поднос. – Давно жаждал быть представленным, да все никак не получалось. А вы, простите?..

– Вивьен.

– Вот как? – брови гиганта удивленно приподнялись. – Э-э-э... довольно необычное имя для восточной красавицы.

– Я американка, – сообщила Тараоки. – И родилась в штате Вирджиния.

– Ага. Это меняет дело Вы ведь из команды испытателей?

– Бородин! – послышался еще один голос от дальнего столика. – Пока ты там лясы точишь, незнакомка умрет с голода, а у нас все остынет.

Андрей очень шустро, при такой-то комплекции, повернулся и тем самым предоставил даме возможность увидеть второго говорившего. Им оказался сухощавый, средних лет и строгого вида, человек с мягкими, светлыми, спадающими на лоб небольшой челкой волосами, одетый в тщательно отутюженный комбинезон с эмблемой биологической секции Базы на груди.

– Уже не незнакомка! – торжественно пробасил Бородин, подхватывая Тараоки под руку и увлекая к столику своего знакомого. – Ее зовут Вивьен, и она милостиво согласилась разделить с нами нашу скудную трапезу.

– Не обращайтесь внимания на этого болтуна, – ворчливо произнес биолог. – Его заносит в присутствии хорошеньких женщин. Сколько его знаю, никак не могу взять в толк, как в нем уживаются два совершенно разных человека – прекрасный ученый с блестящим, холодным умом и разнузданный бонвиван.

– Наш сумрачный друг так шутит, – радостно рявкнул Андрей. – Кстати, его зовут Василий. Он тезка кота моей мамы. Для близких знакомых просто Вася. В отличие от упомянутого кота. Вы не смотрите, что он с виду такой смурной, в душе он добрый и отзывчивый. Внешность – антураж для сотрудников, подопытных животных, амёб и инфузорий. Он ведь у нас глава биологов. Доктор Терехов! Кто из космонавтов не слышал этой фамилии! Положение, знаете ли, обязывает.

– Вася, – повторила Тараоки. – Очень мягкое и вкрадчивое имя. Оно полностью компенсирует ваш непримиримый облик.

– Вы так полагаете? – немного оттаял биолог. – Приятно слышать. Особенно из уст японки. Вы ведь японка? Я не ошибся?

– Не ошиблись. Я – этническая японка, что не мешает мне быть гражданкой Америки. Кроме того, мы с вами почти коллеги, я доктор медицины и знакома с некоторыми вашими работами. Рада, что мы встретились в непринужденной обстановке.

– Я, между прочим, тоже доктор, – напомнил о себе Бородин.

– Да?! – восхитилась Вивьен. – Значит, можно собирать консилиум?

– Не получится, – вздохнул Терехов. – Он физик. Руководитель здешних ньютонов. Наши виды деятельности почти не соприкасаются.

– Мне нравится это «почти», – громыхнул Андрей, цепляя вилкой мелко нарезанные кусочки салата. – И прежде всего, когда дело доходит до знакомства. Например, такого, как сейчас. Вас ведь не смущает, что я занимаюсь звездами и процессами взаимодействий, а меня, в свою очередь, почти не волнуют ваши подопытные кролики. Ну, разве что, так, самую малость. Я все же большой любитель всякой живности. Мне их жалко. – Он подцепил еще один кусочек. – Между прочим, Вивьен, каким образом доктор медицины оказался внутри команды испытателей?

– Для врача всегда предпочтительнее примерить на себя необычную ситуацию. Чтобы потом можно было смело ставить диагноз. И, кроме прочего, я – легчик.

– Ничего себе! – удивился Бородин. – Парадоксальное сочетание!

– Кому как, – Тараоки пожала плечами. – Меня вполне устраивает. Считайте это проявлением совмещения западного образа жизни и восточного метода развития сознания. Кстати, раз уж вы пригласили меня в компанию, не поведаете ли, что новенького обнаружилось после первых полетов человека на «папке»?

– Пока трудно сказать, – Терехов окинул задумчивым взглядом изящную фигурку японки. – Люди впервые столкнулись с таким феноменом, как преобразование живой плоти в иное... иной...

– В пакет информации, – подсказал Бородин.

– ...в иное состояние, – продолжил биолог, преодолев терминологический барьер, – совершенно необычное для нормального человеческого организма. Я считаю, что вполне возможны какие-либо побочные явления, напрямую связанные с такими стрессовыми изменениями в процессе жизнедеятельности.

– А вы? – Вивьен с интересом обратилась к Бородину.

– Мы тоже столкнулись с некоторыми странностями, не вполне укладывающимися в наше представление об устройстве Вселенной в общем и Солнечной системы в частности, – Андрей беззвучно завершил уничтожение салата и приступил к омлету с беконом. – Но об этом мы поговорим в кают-компании. До начала сбора всех любопытствующих остается девять минут. Так что, дамы и господа, рекомендую поторопиться. А кроме того, вкусно!

* * *

Ли взъерошил свои черные, как смоль, волосы и в очередной раз спросил:

– Ну, и какие будут идеи, господа естествоиспытатели?

В кают-компании Базы, где собрались весь цвет научной группы ПП, технический персонал, обслуживающий проект в космосе, группа испытателей в полном составе и еще масса заинтересованных лиц, наступила невнятная тишина. Затем громадный Андрей Бородин, глава секции теоретической физики вакуума, зашевелился в своем кресле и гулким басом произнес:

– Давайте-ка отвлечемся от общей дискуссии, еще раз выстроим последовательность событий и попытаемся представить картину в целом. От которой и будем в дальнейшем отталкиваться. Возражений нет? Молчание – знак согласия.

Итак, испытания в системе Земля – Луна прошли более чем успешно. Никаких сбоев механизмов и приборов в любых расчетных режимах не происходило. У подопытных животных – мышей, собак и обезьян – после полетов никаких аномалий в поведении не обнаружено. Во всех пятнадцати случаях. Весьма и весьма оптимистично. Жаль только, что животные не умеют рассказывать о своих впечатлениях. Это – первое.

Пробный прыжок Кобыша и Тернера от Базы к Юпитеру и от Юпитера за пределы Системы завершился, мягко говоря, странно. ПП, как всем известно, вернулся на Базу, то есть в точку отсчета. Хотя приборы и зафиксировали выход на рубеж в двести девять астрономических единиц, тем не менее, пилоты этого не заметили. Физически никак не отреагировали. В их восприятии старт от Юпитера закончился финишем у Базы. Поэтому достижение границы дальности в двести девять единиц, не зафиксированное сознанием человека, условно назовем пока «мерцающим выходом». Это – второе. Далее. Следующая пара пилотов – Хромов и Клеменс – пока Кобыш и Тернер находятся в карантине, отрабатывает маршрут Меркурий – Уран – граница Системы. Они точно так же возвращаются на Базу, зафиксировав «мерцающий выход» на отметке в двести девять единиц. Это – третье.

Сопоставив приборные записи, мы решаемся на радикальный шаг – посылаем пару Седых – Дорин по траектории, перпендикулярной плоскости эклиптики. Тоже за пределы Системы. И тоже на расстояние в двести пятьдесят единиц. Никаких безумных идей не выдвигалось. Просто сменили направление движения, вектор атаки, так сказать. Исключительно ради любопытства. Для получения более или менее общей картины о возможных свойствах пространства и поведения ПП в оном пространстве. Результат – полное совпадение полетных параметров с предыдущими. Замечу, что заданная дальность во всех полетах одна и та же. Двести пятьдесят единиц. И каков результат? – Бородин трагично развел руками. – Всё те же двести девять единиц, «мерцающий выход» и финиш в виду Базы! Это – четвертое. И это уже, воля ваша, выявленная закономерность! Такие вот пирожки, коллеги мои во науке!

Отсюда неумолимо напрашиваются лежащие на поверхности выводы: либо, по неизвестным нам причинам, предел дальности испытываемой модели ПП всего-навсего двести девять астрономических единиц; либо существует, опять же по неизвестным нам причинам, некий барьер в пространстве, который мы пока не в состоянии преодолеть! Правда, есть маленькая закавыка... Эти два варианта никак физически не объясняют явления «мерцающего выхода» и возврата ПП в точку старта. Дикси! – Бородин грузно откинулся на спинку кресла и благодушно обвел всех взглядом, как бы приглашая к дальнейшему обсуждению.

– Гхм... э-э-э... – робко привлек к себе внимание щупленький малозаметный Веня Лямкин, биолог из научной группы Васи Терехова, – еще, знаете ли, Эмма...

– Веня, – предостерегающе поднял палец суровый доктор Терехов, – ты бы...

– Давай, Венька, колись, – азартно подначил кто-то из собравшихся, – когда замешана женщина...

– А кто это – Эмма? – задрал брови Бородин. – Что-то я не припоминаю.

– Э-ээ, – Веня затравленно оглянулся на своего руководителя, который уже безразлично рассматривал потолок, мол, сам вляпался – сам и выпутывайся. – Эмма – это кошка... Сибирская... Мы ее с мышами посылали... Пятым рейсом... В отдельной клетке, – с отчаянием добавил он.

– У меня нет такой информации, – обиженно сказал Бородин. – Вы не соизволили.

– Биологи в «пятерку» зайца подсадили, – хихикнул кто-то из задних рядов, – в смысле – кошку-нелегала...

– Без билета...

– Для наблюдения за мышами...

– Кошка получилась виртуальной, и физики её не словили...

– Тихо! – Ли постучал костяшками пальцев по столу. – Прекратить балаган! – И когда волна веселья пошла на убыль, добавил. – Я не совсем понимаю, какое отношение кошка биологов имеет к нашим делам?

– Ну-у... – совсем потерялся Веня, – я подумал, что, может быть, обществу будет интересно узнать... и сопоставить, так сказать... в свете рассматриваемых обстоятельств...

– Да не тяни ты kota... – не выдержал Бородин.

– В смысле, кошку... – тут же подхватили из заднего ряда.

– Эмму...

Веня молча открывал и закрывал рот. Совсем как рыба, выброшенная на берег.

– А ну, хватит! – озверел Ли. – Остряки-приколисты! Своих идей нет, над чужими измываешься! Дайте парню договорить! Потом и проявите остроумие. Для решения задачи, а не вхолостую. Ну! – он раздраженно обернулся к Лямкину. – Что с кошкой-то?

– Неадекватное поведение, – поправив сползающие очки, сипло выдавил Веня. – Во сне подманивает мышей.

И вот тут в зале повисла тишина. По мере сбивчивого вениного повествования выяснилось, что, проигнорировав тщательно спланированный график экспериментов по выявлению закономерностей поведения млекопитающих в режиме пространственного прыжка, группа молодых предприимчивых биологов подсадила в контейнер с белыми мышами (разумеется, в отдельную клетку) всеобщую любимицу Эмму, кошку в высшей степени благоразумную и флегматичную, имея целью выяснить, как пребывание за гранью четырех измерений подействует на одно из самых загадочных и где-то даже мистических земных существ – «Кошки, ребята, они и в Древнем Египте гуляли сами по себе». Но перед стартом «пятерки» флегматичная Эмма повела себя совершенно непристойно, всячески демонстрируя жгучее желание уйти в отказ от участия в историческом событии и проявляя при этом чудеса интуиции и изобретательности. С большим трудом строптивую избранницу судьбы все ж таки отловили и запихали в клетку, не обращая внимания на протестующий мяв.

Через неделю после обработки результатов пятого запуска, когда совершенно отчетливо выяснилось, что никаких отклонений в поведении подопытных животных не проявляется, и когда биологи уже обреченно взялись за следующую серию наблюдений, Веня Лямкин по какой-то пустяковой причине заглянул в лабораторию в неурочное время. Сразу после полуночи по бортовому времени. То, что он увидел, повергло его в немое изумление. Эмма, свернувшись клубочком, мирно спала в своей клетке, а вокруг сидело одиннадцать абсолютно обдолбанных (другого слова Веня подобрать не смог) мышей. Молча и неподвижно. Похоже было, что даже глаза у них съехались к переносицам. Как им удалось выбраться из своих клеток, не выяснено до сих пор.

Остаток ночи Лямкин провел в мучительных размышлениях, а утром, всклокоченный и невыспавшийся, оповестил о своих наблюдениях коллег. Именно тогда и припомнили странное

поведение кошки перед стартом. «Ребята, – горячо говорил Веня, прижав кулаки к груди, – она же проинтуичила грядущие перемены в своих возможностях!»

Срочно затеяли серию замеров и опытов. И опять никаких отклонений ни у кошки, ни у мышей обнаружить не удалось. Правда, наблюдалось еще два случая приманивания во время сна. В разное время суток и при разных обстоятельствах. Ни в какую, даже самую безумную теорию, подобные выходки не укладывались, поэтому биологи просто утаили добытую информацию. Пока. До получения более обнадеживающих результатов и разработки гипотезы, хоть как-то объясняющей необычные явления.

– Ай да Эмма! – крикнул кто-то, когда Веня закружился и смущенно присел на краешек кресла.

Все это время Дмитрий Кобыш, сидевший среди таких же молчаливых, как и он, испытателей, пытался определить свое отношение к происходившему. Сначала он вяло прислушивался к шумному выяснению обстоятельств испытательных полетов, не находя для себя ничего нового и странного. Потом сосредоточил внимание на выступлении Бородина, отметив, что термин «мерцающий выход» вызвал в нем какую-то непонятную реакцию. Как будто что-то передернулось у него внутри, вызвав разбегание по всему телу приятных освежающих волн. Как будто прохладный ветерок прошелестел в голове. А когда Веня Лямкин стал рассказывать о кошачьих похождениях, Кобыш болезненно напрягся, не в силах сообразить, что же именно вызвало такую реакцию, но едва только речь зашла о мышах, столпившихся вокруг Эммы, его внезапно отпустило, он понял, что мысли потеряли четкость, расплылись совершенно, что он не в состоянии даже на мгновение сосредоточиться, зафиксировать на чем-то внимание. Он перестал сопротивляться и поплыл. И погрузился куда-то в вязкую, но уютную, ни на что не похожую бесконечность. И время остановилось. И было очень хорошо, но вместе с тем как-то до невозможности странно. Сознание расслоилось, воспринимая одновременно то, что внутри, и то, что снаружи. А потом чей-то громкий знакомый голос забубнил где-то наверху, и почему-то стало понятно, что надо вернуться. Он очнулся и повел перед собой глазами.

Вокруг по-прежнему сидели его друзья-пилоты, молчаливо внимая очередному оратору, который, размахивая в запале руками, что-то горячо втолковывал окружающим. Это был кто-то из вакуумных физиков, кажется, Гена Запашный, и он наконец завершил длинный период и в упор уставился на испытателей. До Кобыша, кое-как прорвавшегося сквозь упругую пленку, отделявшую его от внешнего мира, долетел обрывок финальной фразы:

– ...интересно, что по этому поводу думают наши первопроходцы?

Испытатели переглянулись.

– Без комментариев! – сказал кряжистый сибиряк Женя Седых. – У нас не было времени поразмышлять на эту тему. Карантин и всё такое... Мы еще не готовы. Извините.

Испытатели синхронно кивнули. Даже Вивьен Тараоки, еще не принимавшая участия в полетах.

Во множестве глаз, устремленных на них, последовательно отразились сначала изумление, потом недоумение, а затем разочарование.

Ли опять запустил пальцы в шевелюру, задумчиво посмотрел на Седых, потрянул головой, шумно выдохнул и, наконец, произнес:

– Ну что ж, нет так нет. Хотя, я надеюсь, что в самом ближайшем будущем услышу от вас что-нибудь стоящее.

Испытатели опять синхронно кивнули.

– Итак, – Ли оглядел присутствующих, – пока из внятно прозвучавших предположений есть только два – внезапно появившийся потолок дальности, возможно, зависящий от конструктивных особенностей ПП, и наличие некоего барьера в пространстве, не укладывающегося в существующие физические представления. Плюс некий биологический фактор, плюс феномен возврата корабля в точку старта...

– Эффект зеркального отражения, – обронил кто-то из физиков.

– Очень даже может быть, – продолжил Ли. – Поскольку никаких других версий пока не слышно, а отчет на Землю надо отправлять хоть с какими-то соображениями, предлагаю всем поразмыслить над имеющейся информацией, а завтра в это же время собраться вновь и обсудить содержание отчета. И наметить план работ в соответствии с открывшимися обстоятельствами. Какие-нибудь замечания или пожелания есть?.. Вижу, что нет. Тогда, дамы и господа, за работу.

* * *

Кобыш с Тернером вошли в каюту, которую они делили на двоих, и молча сели. Дмитрий – на откидную койку, а Брюс – на легкий пластиковый стул, исполненный как одно целое с маленьким рабочим столиком. Они были напарниками почти полгода и научились понимать друг друга с полуслова. Взаимная приязнь при знакомстве вскоре переросла в настоящую искреннюю дружбу. Они как бы дополняли друг друга, словно братья-близнецы, неразрывно связанные между собой таинством появления на свет.

Но сейчас оба чувствовали какую-то скованность, неопределенный дискомфорт, будто появилась некая трещина, отделившая их друг от друга. Некая условность, которую оба пытались преодолеть, пока еще не преодолели и внутренне стыдились этого.

Наконец Кобыш оторвал затылок от стены, выпрямился и, неловко усмехнувшись, сказал: – Давай-ка, Брюс, расскажи мне про свои странности.

Тернер удивленно вскинулся, посмотрел в совершенно спокойные, без примеси иронии, глаза товарища и пробормотал:

– Заметно? Ты откуда знаешь?

– От верблюда. Знаю... – Кобыш помедлил. – Знаю, потому что сам такой.

– Почему я первый должен? – состорожничал американец. – Ты и начинай.

– Потому что я первый спросил! – рявкнул полковник. – Потому что пора уже исповедоваться. Сколько можно над собой издеваться? Или ты решил, что ты один такой? – он перевел дух и сбавил тон. – Мы все теперь, братец, меченые. Все, кто летал к барьеру. Так что, давай, выкладывай. Я тебе тоже много чего расскажу.

И Брюса прорвало. То, что в нем накапливалось больше недели, то, в чем он боялся признаться самому себе, то, что он, как теперь выяснилось, безуспешно пытался скрыть от напарника и от друзей-испытателей, выхлестнуло из него наружу. Он выговаривался неистово, как будто избавлялся от чудовищного тайного порока, не дававшего ему спокойно жить, мешавшего нормальному общению с друзьями, отравлявшего каждый его день сознанием того, что он уже не прежний калифорнийский парень Брюс, добившийся в жизни того, чего хотел, а кто-то невозможно другой. Пугающе другой. Совсем как герои столь любимых им фантастических боевиков, в которых вселялись чужие. А было всё так.

На второй день пребывания в карантинном отсеке, когда они уже прошли все мыслимые обследования и тесты, выявляющие адекватность реакций, расслабились и мирно трепались за обеденным столом, его вдруг перевернуло. Перевернуло в том смысле, что он увидел себя со стороны. Вернее, даже не себя, а их обоих сидящих друг напротив друга. Причем не изнутри, а как бы снаружи карантинного отсека. Он был одновременно и за столом, и наблюдателем извне, который с любопытством взирал на пару пилотов, старательно убивающих время. Потом поле восприятия скачком расширилось, и он увидел весь объем Базы. Каким-то внутренним зрением. Без разбегания глаз. «Нет, ты представь, – горячился Брюс, – я ощущал внутри себя всё и всех сразу. Где они, что делают, каждое движение каждого человека, алгоритм программ, работающих в компьютерах, действия механизмов, прислуживающих людей». Это было захватывающе. И вместе с тем очень страшно. Потому что необъяснимо. Картинка снова поплыла и

расширилась. База висела над голубым шаром Земли. Поодаль кружила Луна. Как при замедленной съемке. Скачок. Он увидел всю Солнечную систему. И мерцающую сферу вокруг нее. Тогда он испугался по-настоящему. И всё вернулось на свои места. «Это было жутко, Дим. Нет, не так. Не жутко, а до бескрайней степени неприятно. Брезгливо-неприятно. Так можно высказать? Да?.. Примерно так же чувствуешь себя, когда идешь осенью по лесу и вдруг тебе на лицо вылипает паутина. А ты ее до этого не видел и даже не сознал, что она где-то здесь, рядом. А она начинает с противным таким треском прерываться. Еле услышным треском. На грани восприятия. Но если ты не любишь пауков, то треск этот внутри тебя звучит очень громко, потому что тебе мгновенно начинает казаться, что жуткий такой паук сейчас забежит своими жуткими мохнатыми лапами тебе за шиворот. Прямо по лицу забежит. И тебя всего поддерживает изнутри. Вот у меня были примерно такие же ощущения. В голове при каждом уширении поля восприятия как будто хлопались целые сети паутин, и мне наказалось, на мгновение наказалось, но, заверь, этого было достаточно, что в мозг ко мне напоззает, шурша лапами, совершенно гнусный паук. Или нет – вцепляясь псевдоподиями, напоззает гнусная желеобразная амеба. Это был кошмар». Потом, конечно, подобные ощущения ушли, и он о них постарался забыть, но время от времени, вспоминая о первом шоке, он содрогался всем телом. «На коже заявлялись мурашки величиной с овцу». А спустя неделю он всё же освоился с новыми своими возможностями и теперь может вызывать это состояние в любое время.

– Вот тебе теперь подсказал, – Брюс стукнул себя кулаками по коленкам, – и как будто от большого груза убавился.

– Ну, правильно, – Кобыш сочувственно посмотрел на него, – давно надо было. А то понакрутил себе черт знает чего. Чужие! Меньше ваших голливудских страшилок смотреть надо. Особенно в юном возрасте. Если психика неуравновешена, крыша совсем съехать может.

– Какая крыша? Куда?

– Это идиома. Расшифровывается, как потеря рассудка. Но тебе это вряд ли грозило. Иначе ты бы просто не попал в группу испытателей.

– Идиома... Да. Я припомню. Но ты прав, крыша съехать могла.

– Кстати, как, ты сказал, называлась обучающая программа по русскому языку?

– «Оксфорд-интер». А что?

– Тебе попалась дефектная. Ты все время путаешь приставки в словах. Особенно, когда волнуешься.

– Так. Сможет быть. Я припомню.

Кобыш покивал головой.

– Если бы мы встретились с вашими киношными Чужими, то я бы тоже стал таким, как ты. И мы бы были уже совершенно другой командой. Ведь мы же летали вместе. Об этом ты подумал? В таких случаях, Брюс, надо облегчать душу. Делиться с близкими друзьями... ну, или докладывать старшему по званию напарнику.

– Хорошо, если старший по званию такой, как ты, Дим. Если бы я доложил своему начальству, меня бы немедленно устранили от полетов.

– Да уж... Слушай, а вот прямо сейчас ты можешь посмотреть, что, например... делает наш уважаемый шеф Вячеслав Ли?

Взгляд Тернера на какую-то долю мгновения как будто провалился внутрь, а потом Брюс с улыбкой сказал:

– Слава у себя в каюте засматривает распечатку личных карточек команды испытателей.

– Вот как? – удивился Кобыш. – Инте-рес-но... Зачем это ему понадобилось? А?

– Я не умею прочесть мысли, Дим, – Тернер развел руками, – я просто вижу картинку.

– Картинку... Да... А у меня, понимаешь, эти картинки вовсе даже и не картинки, а полновесный интерьер. И я могу туда попадать. Вот ведь как! Симптомы, брат, у нас с тобой разные...

– Расскажи, – возбудился американец. – Теперь твоя очередь... Ты же обещал!

Кобыш задумчиво посмотрел на него, кивнул головой в такт каким-то своим мыслям, что-то прикинул про себя, а потом тихо вздохнул и сказал:

– Алаверды. Слушай.

Это была еще более странная история.

В тот же второй день пребывания в карантине, а вернее, во вторую ночь по бортовому времени, он лежал, вытянувшись, на своей койке и рассеянно смотрел сквозь царивший в отсеке полумрак. Именно сквозь. Взгляд был рассредоточенный и ни за что не цеплялся. «Знаешь, так иногда бывает, когда чертовски устал. Сидишь, уставившись в одну точку, ничего не видишь и не слышишь. И голова совершенно пустая. До звона». Просто не спалось. Даже под уютное сопение давно и беспробудно уснувшего напарника. Мысли лениво тащились, никак не соприкасаясь между собой. Даже не следуя одна за другой. Каждая была сама по себе. Еще не сон, но уже и не явь. Полуобморочное состояние между. Вспомнилось вдруг детство. Шумная компания пацанов на берегу широкой уральской реки. Кама... Свежий ветер, сдувающий с тела жар солнечных лучей. Прохладные брызги прибора. Скалистые утесы с соснами и елями на макушке. Галечный пляж... Камешки горячие, нагрелись за день... Если их погладить... Он погладил... Вот только спине неудобно. Лежать на гальке, знаете ли... Он замер. Спине действительно было неудобно. Он резко, даже судорожно сел, ощущая между лопаток горячие отпечатки. Сердце ухнуло куда-то вниз. Он совершенно отчетливо и сразу понял, что никакой это не сон. Какой, к чертям собачьим, может быть сон, если перед тобой расстилается широкая гладь реки с еле видимой рябью, отблескивающей в лучах солнца, шипит накатывающая на гальку вода... А запах! Ни с чем не сравнимый запах свежего хвойного, с примесью нагретого плавника, воздуха! Он даже щипать себя не стал. А просто поднялся и, осторожно ступая по камешкам, пошел вдоль берега. Потоптался у воды, попробовал пальцами. Прохладная... Бездумно повернулся и боком, боком приблизился к скалистой стенке с пробивающимися местами сосновыми ростками. Приложил ладонь. Шершавое и теплое. И что теперь? Солнце уже касалось верхушек деревьев, отбрасывая длинные тени. Стало быть, вечер. А он один на пустынном берегу. «На берегу пустынных волн...» В спортивных трусах... Можно сказать, что без ничего. Ну и как сочетается наш воинствующий материализм вот с этим явлением? Из прошлой жизни – только трусы, а из нынешней – целый мир вокруг! Такой знакомый чудесный мир! Но ведь это невозможно... Или все-таки возможно? «Хочу обратно, – подумал он, – хочу в свою привычную колею. Здесь прекрасно, но надо сначала понять... А чтобы понять, нужна спокойная обстановка... Своя... Но ведь и эта своя. Нет, пока еще нет. Не своя... Хоть и знакомая...» Ему так захотелось вернуться, так захотелось. До боли в затылке. И он снова оказался здесь, в карантинном отсеке. «Знаешь, Брюс, я ведь не испугался даже. Удивился, да, но не испугался. Просто было как-то до невозможности странно. Запредельно. Ну, вот ты точно знаешь, что этого не может быть, а оно есть. И еще как назойливая муха всё время зудела мысль, что вот теперь надо будет как-то это объяснять, может быть, даже оправдываться, что появятся в связи с этим какие-то определенные неудобства. Ну, ты понимаешь...» До утра он так и не уснул, беспокоясь, ворочаясь с боку на бок, вновь и вновь переживая свое ирреальное путешествие. Он ждал, что вот сейчас, с минуты на минуту, прибегут взволнованные биологи и медики и начнут выяснять, что это случилось с показаниями приборов. Откуда появился провал в записи. «Сколько меня не было? – прикидывал он. – Минут десять? Или пятнадцать?» Вполне достаточно для всеобщего ажиотажа. Приборы глючить не могли. Они никогда не глючили. Во всяком случае, на его памяти. Да и не слыхивал он никогда о таком. Но время шло, и всё было спокойно. Обычные контрольные проверки. Не более того.

Тогда он расслабился и стал прокручивать кино обратно, попутно анализируя ключевые моменты. И пришел к выводу, что причиной всему мог быть только их недавний прокол пространства. И даже не столько прокол, сколько их непонятный возврат в точку старта. А уж когда

он сегодня услышал о пресловутом «мерцающем выходе» и неадекватном поведении кошки Эммы, всё встало на свои места. «И тут еще ты рассказываешь о какой-то сфере. Вот и получается, что ходившие на ПП-1 живые существа приобрели необычайные способности. Правда, возможны исключения. Надо бы остальных порасспросить...» Остается только один неясный для него момент. Почему приборы не фиксируют их экзерсисы? Или фиксировать-таки нечего, а всё это – игры потрясенного разума?

– Да, но Эмма? – сказал Тернер.

– Вот! – кивнул Кобыш. – Вот! Тут-то всё и сходится. Приборы ее тоже не фиксируют. То, что она вытворяет, Веня Лямкин просто увидел. Увидел глазами... И они тоже до сих пор ни хрена понять не могут.

Тернер медленно провел пальцем по столу:

– Это не единственная и не последняя странность, Дим. И ты это знаешь не хуже меня. Мы пытались выйти за пределы Системы, а кошка всего лишь пролетала до Луны и обратно.

– Так то – кошка, а не человек. Кошки, как было сказано выше, существа загадочные и таинственные. Ей могло понадобиться исчезающе минимальное воздействие для инициации способностей. Нам же нужен был основательный пинок.

Брюс пожал плечами и некоторое время сидел молча, продолжая выводить на столе невидимые узоры. Наконец он поднял голову и, пристально глядя Кобышу в глаза и старательно выговаривая фразы, произнес. Почему-то шепотом:

– В твоём рассказе есть еще одна маленькая нестыковка, Дим. Лето в родных краях – это, наверное, прекрасно. Но сейчас на Земле декабрь...

– Да, – мрачно сказал Кобыш. – Да. Действительно несурезица. Я знаю. И прежде чем делать какие-то выводы, я хотел бы пообщаться со всеми остальными из нашей команды.

* * *

Слава Ли вошел в свой кабинет и молча погрузился в кресло. Кабинетом, конечно, это можно было назвать чисто условно, но согласитесь, целых пятнадцать почти индивидуальных метров на орбитальной станции – это что-нибудь да значит! Кроме привычного и удобного кресла в кабинете имели место стол со встроенной в него клавиатурой сетевого сервера, дававшего возможность связи с любой точкой Базы, получения неограниченной информации из памяти бортового комплекса и информационного центра Проекта на Земле, малый настольный монитор и большой экран во всю стену, а также двенадцать одноместных откидных диванчиков для участников совещаний. У каждого из них был свой компьютерный набор. Всё это дополнялось мощным кондиционером и небольшим холодильником для напитков. Руководитель полетов не должен был чувствовать дискомфорта. Так же как и шеф Базы, занимавший аналогичное помещение. Правда, у шефа была еще и персональная связь с Землей. Ну, на то он и начальство.

Слава себя большим командиром не ощущал, хотя ответственности это ему не убавляло. Несколько минут он сидел неподвижно, сосредоточенно изучая потолок, потом машинально взъерошил волосы и досадливо спросил сам себя: «Ну и что это должно значить?»

И сам себе ответил: «Пока не знаю». Подумал и добавил: «Но очень хочу узнать!»

Итак, что же ему было известно? Он тщательно перебрал в памяти ключевые моменты только что закончившейся сходки в кают-компании. «Мерцающий выход», «эффект зеркального отражения», история кошки Эммы... Что еще? В памяти как заноза сидело еще что-то... только вот... Он мучительно сморщился, потом пробежался по клавиатуре и вызвал на дисплей запись собрания. Внимательно просмотрел еще раз... Так... Вот оно! Ну, конечно же! Вот что его тревожило всё это время – необычное поведение испытателей! Какие-то они были сумрачные и присматривающиеся... Не как всегда. И это самые веселые ребята на Базе! Видно,

что-то их всех сильно беспокоило. Раньше вот не беспокоило. До полетов. А теперь они все в задумчивости. Но делиться своими мыслями не спешат. «Без комментариев», – сказал Седых. Именно он, а не Кобыш, который у них безусловный лидер. Авторитет. И по возрасту, и по званию. Но Кобыша, похоже, вообще слабо интересовало происходящее, он был углублен в себя.

«Ну, давай, Слава, думай, – он почесал кончик носа. – Думай быстрее».

Бернский Центр начинал проявлять нервозность. С момента первого полета испытателей прошло уже семь суток, а внятного отчета с анализом создавшейся ситуации он так и не получил. Отправили, конечно, массу всякой информации, в том числе все видеозаписи, но в Берне ждали совсем другого. Это и понятно. Они там в полном недоумении, а кураторы заседают... С одной стороны НАСА, с другой – «Росавиакосмос». Да и шеф совсем больной ходит, ничего не говорит, только сумрачно поглядывает, понимает, что торопить бессмысленно. Кроме фразы «Где отчет?» от него и звука не услышишь. Как он там отбивается, одному Богу известно...

Значит, так. ПП достигает некоей точки в пространстве, загадочной точки, которую преодолеть не может... Или нет. Какой, к черту, точки, если дальность полета во всех трех случаях одинакова, а векторы разнонаправленные. Тогда получается что?

Он пощелкал клавишами и вывел на большой экран математическую модель. Долго смотрел на нее, потом вздохнул и вновь откинулся в кресле. Да. Как ни крути, а вырисовывается сфера. И от нее ПП отскакивает, как мячик от стенки. Точненько в стартовые координаты? Попахивает мистикой. Хотя, кто знает, что происходит с кораблем во время прокола? Или с бортовым компьютером... Может, и нет никакой Сферы (почему-то это слово вдруг прорезалось в его сознании именно таким, с заглавной буквы). Всё это слишком человеческое. Что мы знаем о законах движения, выходящих за рамки формальной физики? А что происходит при этом с людьми? Ну, с ними-то, положим, ничего страшного не происходит. Каждый из испытателей провел регламентированные трое суток в карантине. Результаты обследования хорошо известны. Ничего нового. Самочувствие отличное. Никаких отклонений от нормы. Никаких жалоб и вопросов. Только вот скучные они какие-то стали. Как будто замкнулись в себе. Включая Вивьен, которая никуда еще не летала. Правда, если даже он почувал неладное, то уж она-то, знающая своих соратников как облупленных, и подавно должна была...

Значит, все-таки во время прокола кое-что произошло. Учитывая информацию об Эмме... И все испытатели приобрели какие-то новые способности, о которых не спешат распространяться. И которые не регистрируются стандартными приборами. Или здесь имеет место попытка выдать желаемое за действительное, и ничего такого и в помине нет. А есть просто подавленное состояние после пробных полетов, когда не удалось выполнить поставленную задачу. Даже не совсем так. Не удалось прорваться к звездам. По независящим причинам... Кошки кошками, а люди существа более высокого порядка. С определенным образом организованной психикой...

А может, все-таки феномен Эммы распространяется и на людей? Но почему тогда они молчат? Они же все люди военные, привыкшие к дисциплине. Должны доложить по инстанции. Мол, полный порядок! Или наоборот. И тогда написать рапорт. А если, допустим, им всё же есть что скрывать? Например, из боязни быть отстраненным от полетов... Или из боязни вообще попасть на стационарное спецобследование. Возможен такой вариант? Скорее да, чем нет... Ли опять замер, пытаясь поймать ускользающую мысль... Вот! Хорошо бы проверить, по каким параметрам их отбирали. Почему подобная мысль пришла ему в голову, он вряд ли смог бы объяснить. Пришла. Впрочем, его всегда считали хорошим аналитиком. Опираясь на любое количество известных разрозненных фактов, он всегда мог сделать нетривиальное заключение. Лишь бы этих фактов было больше трех... Он не знал, каким образом возникают выводы в его голове, да это и не очень его интересовало. Всё прекрасно укладывалось в элегантное слово «интуиция». «Хопкинс, как вы здесь оказались?» – «Интуиция, сэр!»

Слава вызвал на дисплей файл «Испытатели» и развернул его в несколько окон. Так, ну и что мы имеем? Семь совершенно разных индивидуальностей... Или не совсем разных?.. Первая пара – Кобыш и Тернер. Оба крепыши среднего роста. У обоих стрижка ежиком. Правда, Дима – шатен, а Брюс – блондин... Лица разные. У первого – глубоко посаженные темные глаза, мягкий нос, не картошка, конечно, но напоминает. Полные губы. В общем, рязанская внешность. У второго – глаза светлые, серые, с каким-то нахальным огоньком в глубине, нос аристократический, губы твердые, подбородок волевой. Как у Джека Лондона... Хорошие ребята. Внешне...

Посмотрим послужной список. Кобыш Дмитрий Васильевич. Родился в Закамске... 1972 год... родители... школа... Качинское училище... присвоение очередных званий... Отменные характеристики, великолепный летчик. Лучший из лучших... А это что? Рапорт об отказе участвовать в боевых действиях на территории России... просьба о переводе на инструкторскую работу или на испытательный полигон. Неуверенность в себе или хуже? Чушь! Иначе его бы здесь не было. Но тем не менее... Блестящая карьера прервана на взлете. Эх, Дима, быть бы тебе генералом в сорок лет, а ты не захотел. В военном ведомстве не любят неподчинения. Так теперь и останешься полковником до конца жизни... А как же ты сюда-то попал? А, ну да! Специалистами такого класса не разбрасываются, нашли применение.

А что Тернер? Родом из Калифорнии... капитан ВВС США... летчик божьим промыслом... ни одной награды. Интересно, почему?.. Ага! В боевых действиях не участвовал по соображениям морали... Елки-палки, еще один пацифист... Э-э, ребята, это уже...

Ли быстро собрал окна в кучку и вывел их на печать. Сейчас мы вас раскинем как колоду, так будет удобнее и нагляднее. Один за другим он забрал листы распечатки из щели принтера и разложил на столе. Все семь.

Виктор Михайлович Хромов... майор... высокий брюнет с располагающим лицом... тридцать лет... на войне был, но в качестве спасателя... вытаскивал спецназ из пекла...

Джек Дэниэл Клеменс... капитан... командир звена истребителей береговой охраны... отказ от направления в зону конфликта...

Евгений Кузьмич Седых... капитан... ну, прямо целая команда капитанов!.. КВН, блин!.. кто бы сомневался... натурально, не участвовал...

Рафаил Симон Дорин... что это у него за второе имя такое?.. пилот израильской военной авиации... непревзойденный ас... ну этот-то должен был стрелять... у них же без этого никак... трехдневная война опять же... нет, отказался... чуть не загремел под трибунал... ну, понятно!.. отстранен... определен к транспортникам...

Вивьен Наоми Тараоки... ага, единственная не имеющая отношения к военным... старший инструктор флоридского аэроклуба... к насилию относится крайне отрицательно... ну и как же она просочилась в стройные колонны солдат?.. О, как! Преподаватель в подразделении НАСА, доктор медицины, психоаналитик... Это меняет дело.

Ли еще раз внимательно перечитал все распечатки, откинулся на спинку кресла и забарабанил пальцами по столу, разглядывая разложенные веером листы. На каждом из них была цветная фотография. Такие разные и всё же такие неуловимо похожие! Шесть мужчин и одна женщина. Интересно, кто вас отбирал из сотен претендентов? Какой двойной, а то и тройной смысл заложен в этом подборе? Все пилоты экстра-класса, стало быть, люди, обладающие отменной реакцией и способностью практически мгновенно ориентироваться в пространстве действия. Мастера своего дела. С безусловной долей авантюризма. Может быть, большой долей. Может быть, агрессивного авантюризма. И вместе с тем отвергающие насилие. Это сочетаемые черты или нет? Надо бы спросить у психологов... Каждый из них сильный индивидуалист, иначе не сумел бы пойти против течения, но, тем не менее, команда из них получилась слаженная и монолитная. Можно позавидовать. Как у мушкетеров – один за всех, и все за одного... С беспрекословным подчинением старшему. А старший у них – Кобыш. Что еще

известно о Кобыше?.. Ага, отличный механик. Технику чувствует спинным мозгом, способен собрать из всевозможного хлама действующий агрегат... А остальные?

Тернер, оказывается, прирожденный хакер, победитель всевозможных конкурсов программистов и прочая, и прочая... Хромов обладает обширными познаниями в области астрономии. Хобби у него такое... Клеменс в свое время с отличием закончил колледж, но биохимиком стать не пожелал, хотя ему прочили славное будущее... Ну, с Тараоки понятно – свой психоаналитик в команде, да еще и доктор наук. Оставшиеся двое тоже интересные ребята. Женя Седых увлекается восточной философией, тайными доктринами, достиг кое-каких результатов в йоге, особо это всё не афиширует, но в хорошей компании может и высказаться. Дорин же недоучившийся физик. Тоже подавал большие надежды, а потом вдруг ушел в летную школу...

Как занимательно! Получается, что у каждого из наших испытателей есть второе дно. И это не просто еще одна профессия, это область знаний, которая им интересна по-настоящему... Иначе они с их характером и копий бы не ломали...

Кто же их все-таки отбирал и по какому принципу? Надо будет выяснить... Возможно, тут как раз и находится ответ на все его вопросы. Ведь всю основную подготовку они прошли на Земле. Там тренировались и притирались друг к другу. Сливались в команду. На Базе они всего десять суток... Каков же предварительный вывод?

Пожалуйста. Состояние испытателей не является подавленным. Они ушли в себя и размышляют. О чем? Естественно, о случившихся с ними метаморфозах. Реален ли разговор с ними на эту тему? Вряд ли. Во всяком случае, пока. Если они кому-то и будут исповедоваться, то только тому, кому могут доверять. Что нужно сделать для этого? Очень просто – стать одним из них...

2

Они встретились на лифтовой площадке, в месте пересечения радиальных коридоров. Кобыш направился к шефу Базы, куда его вызвали по интеркому пять минут назад, а Ли шел к биологам для уточнения интересующих его деталей, хотя, положа руку на сердце, он просто хотел взглянуть на Эмму. Приблизившись, пожали друг другу руки.

– Как настроение у команды, Дима? Мне показалось, что вы чем-то удручены, – испытующе глядя в глаза Кобышу, произнес Ли.

– Все нормально, Слава, – спокойно ответил пилот, выдержав пристальный взгляд в упор. – Нигде не жмет...

– Ты бы заскочил ко мне, когда будет время. Перекинемся парой слов.

– О чем?

– Как дальше жить. Наверняка ведь какие-то мысли на этот счет имеются.

– Хорошо. Зайду попозже.

– А ты куда сейчас?

– Шеф вызывает, – буркнул Кобыш, – наверное, тоже вопросы есть.

– Ну, если так, – Ли понимающе покивал головой. – Начальство зря не побеспокоит. Ему сейчас несладко – Центр торопит с аналитикой, а нам сказать нечего.

– Да уж, – Кобыш исподлобья взглянул на Славу, – им можно только посочувствовать. Что бы ты делал на их месте?

– А я на своем месте, – ответил Ли, входя в открывшиеся створки лифта, – обратил бы самое пристальное внимание на участников экспериментальных полетов. Так что не забудь зайти ко мне после разговора с шефом.

Лифт ушел, а Кобыш еще стоял некоторое время, раздумывая и прикидывая оптимальную линию поведения. Потом кивнул сам себе и быстрым шагом направился к кабинету главного должностного лица Базы.

* * *

– Входите, Дмитрий, входите, – шеф выпростался из глубин обширного кресла и, огибая стол, плавно двинулся навстречу Кобышу. – Располагайтесь, – он кивнул на пристенный диванчик. – Надеюсь, наша беседа будет плодотворной.

Слово «беседа» он выделил, стараясь придать встрече как бы неофициальный характер. Он был опытным администратором и прекрасно знал, как расположить к себе подчиненного. Вообще-то Генрих Штейнберг, назначенный на пост шефа Базы еще до ее запуска, не любил нарушения субординации, но в данном случае он счел необходимым поступиться принципами. Ситуация того требовала.

Кобыш коротко склонил голову, подавив мгновенное желание щелкнуть каблуками, и присел на предложенное место, стараясь держать спину прямо. Поговаривали, что шеф – отставной генерал бундсвера, четыре года прослужил в натовском комитете начальников штабов и попал на Базу благодаря тому, что всегда придерживался строгого нейтралитета относительно интересов России и США. Насколько можно верить этой информации, Кобыш не знал, но предпочел соответствовать.

Штейнберг пожевал губами, глядя на него, провел руками по бокам комбинезона, словно одергивая невидимый китель, затем лицо его потеряло добродушное выражение, глаза сузились, он вновь обогнул стол и уселся в свое кресло. Закинув ногу на ногу, он плотно сцепил пальцы обеих рук на колене и только после всех этих перемещений, заговорил:

– Я внимательно ознакомился со всей доступной мне информацией, касающейся пробных полетов в рамках нашего Проекта. Мне очень досадно, но я не могу составить собственного впечатления. Не можете ли мне? Каковы ваши личные ощущения?

– Видите ли, герр Штейнберг, – Кобыш в некотором затруднении нахмурил брови, – мне нечего добавить к тому, что было озвучено на сегодняшнем собрании. Собственно, никаких личных ощущений, выходящих за пределы обычного, не было. Кроме сильного удивления, когда вернулись обратно к Базе.

– Вы уверены? Может, все-таки были какие-то нюансы?

– О любых отклонениях от нормы мы обязаны докладывать, – сухо сказал Кобыш. – Насколько мне известно, ни одного рапорта не подано.

– На каком языке мы сейчас разговариваем, полковник? – внезапно наклонившись вперед, быстро спросил глава Базы.

– На немецком, – сейчас же отреагировал Дмитрий и запнулся. Переход на другую речь просто выпал из его восприятия.

– На каких еще языках вы говорите?

– На английском, – медленно произнес Кобыш и после паузы добавил, – на китайском...

– А китайский вам зачем?

– Не знаю, – подумав, сказал испытатель. – Почему-то захотелось... Может, в будущем пригодится. В конце концов, Китай – великая страна...

– Так, – Штейнберг вновь откинулся на спинку кресла. – Насколько я понимаю, семь суток назад, во время разговора со вторым пилотом Тернером вы определенно заявляли, что вам хорошо известен только родной язык. Я не ошибаюсь?

– Нет.

– Когда же вы успели изучить еще три?

– Ну, это как раз просто, – усмехнувшись, сказал Кобыш. – После карантина попросил у Тернера ви-адаптер с дисками, выбрал то, что мне нужно, и за три ночи усвоил.

– Это такой приборчик, похожий на спутниковый телефон? Для запоминания нужной информации во сне?

– Да.

– В какой последовательности вы изучали языки?

– Сначала английский, потом немецкий, после него – китайский.

Штейнберг сложил ладони домиком и несколько секунд изучающе смотрел на Дмитрия. Снова пожевал губами и, наконец, сказал:

– А известно ли вам, полковник, что по инструкции, прилагаемой к ви-адаптеру, пауза между информационными сеансами должна быть не менее шести суток. Я не знаю, почему это так, но разработчики и изготовители рекомендуют. Иначе тот объем знаний, который человек получает с помощью адаптера, усваивается крайне плохо либо не усваивается вообще. Как-то это связано с особенностями деятельности мозга... – шеф помолчал, наблюдая за реакцией Кобыша. – Судя по вашему правильному немецкому, в данном случае все прошло гладко. Ваши комментарии?

– Наверное, я отношусь к исключениям из правил, – растерянно ответил Дмитрий, про себя подумав: «Вот так прокол! Значит, я теперь под колпаком».

– И я так считаю, полковник. Весь вопрос в том – почему? Поразмышляйте на эту тему. Даю вам сутки. Можете идти.

Кобыш молча кивнул, встал и медленно пошел сквозь раскрывающиеся створки двери.

Проводив его взглядом, Штейнберг рассеянно улыбнулся. Он был доволен собой. Теперь русский пилот знает, что он кое о чем догадывается. Пусть вырабатывает линию поведения А заодно займется выяснением обстоятельств остальных испытателей. Шеф Базы должен первым разобраться, в чем тут дело. Америка, несправедливо считающая себя мировым лидером, и

непонятная полуазиатская Россия немного подождут. Европейские страны тоже имеют право на свою долю истины. Иначе будет нарушено сложившееся равновесие. В том, что результаты попыток выйти за пределы Солнечной системы будут немедленно засекречены, он нисколько не сомневался. Или он неправ?

* * *

Едва шагнув за порог блока, занимаемого биологами, Ли тут же столкнулся с доктором Тереховым.

– Здравствуйте, Василий Николаевич, – сказал руководитель полетов, дружелюбно протягивая руку, – а я вот решил к вам заглянуть...

– Во-первых, Слава, почему так официально? – отвечив суровый доктор Терехов, пожимая протянутую руку. – А во-вторых, здоровались уже.

– Да-да-да... – смутился Ли. – Последние события, знаешь ли, выбили из колеи.

– Они кого угодно выбьют. На Эмму, что ли, пришел полюбоваться?

– И это тоже. Но вообще-то меня интересуют подробности.

– Ну, так иди к Лямкину. У него там Бородин уже пристроился. Также жаждет подробностей.

– Ага. Значит, я вовремя.

– В самый раз, – Терехов подтолкнул его к двери в соседний отсек. – Может, что-нибудь вместе и наизобретаете.

Оказавшись в лаборатории, Ли увидел две склонившиеся голова к голове молчаливые фигуры. Что-то они там рассматривали. Что-то, полностью захватившее их внимание. Слава негромко кашлянул. Оба как по команде уставились на него. Рыжий, взлохмаченный Веня с очками, сползшими на кончик носа, и дородный Бородин, оттянувший пятерней воротник комбинезона.

– Привет юным гениям, – сказал Ли.

– Здорово, командир, – пробасил Андрей. – Что это ты подкрадываешься, аки тать в ночи?

– Я хожу громко, – сообщил Слава, – просто некоторые чрезмерно увлечены.

– Так есть чем, – ответил Андрей, и оба вновь отвернулись.

– А вот это уже признак неуважения, – обиделся Ли. – Могли бы проявить некоторую любезность по отношению к высокому начальству.

– Ты бы, высокое начальство, подошел поближе, – глянул на него через плечо Бородин, – да поучаствовал. Вместо того... – он не закончил фразу, потому что в этот момент Веня огорченно сказал: «Ну, вот видишь – опять!»

Ли осторожно приблизился к парочке естествоиспытателей и заглянул через плечо Лямкина. На вспомогательном лабораторном столе, свернувшись клубком, безмятежно спала Эмма. Над кошкой слабо мерцала замысловатая полусфера, напоминавшая парикмахерский фен. Тут же на столе, подключенный к каким-то приборам, располагался мощный ноутбук, экран которого отображал переплетение странных кривых. Веня нервно пробежал пальцами по клавиатуре, картинка дернулась и сменилась на другую, по мнению Славы ничуть не отличающуюся от предыдущей.

– Видишь? – снова повторил Веня.

– Ну и что? – прогудел Бородин. – Это говорит о том, что у вашей Эммы чрезвычайно стабильная нервная система. И все! Никаких феноменальных всплесков.

– Может, объясните, что тут у вас происходит? – Слава еще раз попытался вписаться в компанию.

На него долго и хмуро смотрели, явно не понимая, в чем дело, и все еще пребывая где-то далеко от него. Потом объяснили. Оказалось, что эти двое решили, не откладывая дела в долгий ящик, затеять несколько опытов по выявлению и подтверждению необычных способностей Эммы. Для этого кошку подвергли неоднократному усыплению с помощью воздействия слабых импульсов на ее нервные центры. Результаты были обескураживающими. Кошка спала, а мыши, размещенные чуть поодаль, в пределах другого стола, не обращали на этот процесс ровно никакого внимания.

– Это говорит о том, – назидательно сказал Андрей, – что навеянный извне сон не дает адекватных результатов. Вот когда всё происходит естественным путем, тогда, видимо, у нее еще что-то включается.

– Да уж, – Веня был краток, как Ипполит Матвеевич.

– А какова предыстория легендарного животного? – коварно раскинул сети Слава. – Откуда она, собственно, взялась?

Выяснилось, что кошку Веня три года назад нашел у порога собственной квартиры. Правда, тогда она еще была маленьким попискивающим котенком. Выкормил, выпоил, поставил на ноги. Извините, на лапы. А когда настала пора перебираться в околосемные просторы, он принял мужественное решение. Он вписал Эмму в реестр подопытных животных, подлежащих ввозу на Базу. Не бросать же любимицу на произвол судьбы. Так кошка оказалась в овейной славе плетде космопроходцев. А сейчас уже, считай, вошла в историю.

– Она очень спокойная, – горячо говорил Веня. – Никакого риска, упаси Бог. Абсолютное отсутствие агрессии... («Ага!» – отметил про себя Ли). У меня дома волнистый попугайчик жил. Кеша. Зелененький такой. Между прочим, много чего говорить умел. Можно сказать, был большим знатоком русского языка. Так вот он взял себе за правило бегать вокруг Эммы, подпрыгивая и приговаривая: «Кеша хороший! Кеша хороший». А Эмма только блаженно жмурилась и поглядывала этак снисходительно. Дескать, и не такое видывали...

– А попугай что? – живо заинтересовался Бородин. – Тоже здесь?

– Нет, – с досадой ответил Веня. – Кешу пришлось родителям оставить. Пичужка-то совсем маленькая, в кулаке раздавить можно. По неосторожности.

– Да-а-а... – протянул Бородин. – Нет, отчего же. Вот у моего приятеля тоже кошка дома есть. Так она когда-то соседских щенков вылизывала. По-матерински.

– Ну, это же совсем другое, – возмутился Веня. – Работа инстинктов, так сказать. А я говорю о полном отсутствии агрессии. Она даже когти об стену не точила.

– Значит, ты еще и контрабандист? – вмешался Ли. – Хватило ведь ума!

Лямкин обильно покраснел и смущенно потупил взор. А Бородин растерянно крякнул.

– Нет, я не в укор, – сказал Слава. – Просто интересно, как тебе удалось?

– Так ведь никто серьезно реестры не просматривает. Всё дается на откуп исполнителям. Ну, Терехов, конечно, знал. Это он на вид такой суровый, а вообще-то душевный человек. Можно сказать, что Эмма попала сюда с его молчаливого одобрения. Кошки – интересный объект для наблюдений.

– И много нанаблюдали?

– Да как сказать! – Веня протянул руку и отключил питание. Полусфера погасла, а кошка зашевелилась и приподняла голову. Биолог нежно провел двумя пальцами по спине Эммы, та элегантно прогнулась, вытянув лапы и зажмурив глаза. Затем раздалось громкое мурлыканье. – Стандартный альфа-ритм мозга спящего животного. И ничего более. А мыши, – он кивнул в сторону соседнего стола, – занимаются своими делами.

– А скажи-ка, Веня, – Ли решил озвучить сидевшую занозой мысль, – раньше за твоей любимицей никаких странностей не замечалось?

– Раньше – это когда?

– На Земле.

– Вообще-то, нет, – подумав, ответил Лямкин. – Хотя не знаю. Не обращал внимания. А что?

– Да понимаете, ребята, может быть, мы зря подпрыгиваем с этим феноменом. Может, ничего особенного и не происходит, а выявленная аномалия – всего лишь усиление каких-то врожденных способностей. Ну, – Слава мучительно пытался подыскать нужные слова, – то, что происходит во время прокола, как бы является катализатором для проявления этих самых умений...

– Да, – сказал Бородин, – что-то тут безусловно есть. Мысль интересная, тем более, что не только твоя. Я и пришел сюда, собственно, для того, чтобы уговорить этого оболтуса на совместную серию. Но не успел... Он меня сразу задал своими безнадежными результатами. А требуется всего лишь взять кошку, переместить ее в наш блок и протестировать на ви-оборудовании, потому что стандартное, скорее всего, для этих целей не годится. Нам как раз намеренно установили ви-генератор второго поколения. Вот на нем... И, наверное, в зеркалах Козырева. И уверяю вас – результат будет!

– Ну да, – рассеянно ответил Веня, видимо, мысль о новой серии уже начала вызревать в его голове. – Остается всего ничего – уговорить Эмму заснуть во чреве ваших механизмов. Мелочь, конечно...

Но было видно, что он уже загорелся.

– Вот и чудесно, – сказал Ли. – И приступайте. Был бы результат.

* * *

Если бы сейчас кто-нибудь спросил Славу, зачем он все это затеял, он вряд ли смог бы ответить. И, тем не менее, решение он принял, и теперь уже трудно было его остановить. Быстрым шагом войдя в свой кабинет, он не стал садиться, а, наклонившись к столу, нажал на селекторе клавишу соединения с шефом и вывел изображение на большой экран. Потом коротко выдохнул через ноздри и приготовился.

Герр Штейнберг пребывал в затруднении. Это было видно по его напряженному лицу и по тому, как он сжимал и разжимал пальцы, читая что-то на настольном дисплее. Услышав сигнал вызова, он тут же поднял голову и изучающе посмотрел на Ли.

– Вячеслав?

– Здравствуйте, Генрих! Ставлю вас в известность, что хочу предпринять еще один испытательный полет за пределы Системы. С полным штатным комплектом исследователей.

– Мы еще не обработали результаты предыдущих полетов, – настороженно глядя на него, тихо выговорил Штейнберг. – Есть ли необходимость?

– Хочу сам убедиться в правильности некоторых частных предположений. О результатах вы узнаете первым, – Слава прекрасно знал маленькие слабости шефа.

Однако отставной генерал явно не обрадовался.

– Вячеслав, вы прекрасно осведомлены о том, что, являясь моим заместителем и руководителем полетов, не имеете права покидать пределы Базы и участвовать в испытаниях. Это предписание Комитета.

– А вы должны понимать, что бывают исключения из правил. Сейчас ситуация того требует. Отчет Земле до сих пор не составлен потому, что мы не можем достаточно определенно сформулировать данные, которые уже получены, и выработать основные направления дальнейших исследований.

– Тем не менее, подобное разрешение может дать только Берн.

– Перестраховываетесь? Но ведь после трех пробных полетов риск сведен к нулю. Мы оба это знаем. Мне достаточно вашего согласия.

Штейнберг колебался. С одной стороны, заманчиво получить более полную информацию из первых рук, а, с другой стороны, откуда он мог знать, что на уме у его ближайшего соратника и как отнесутся к подобным выходкам бернские координаторы.

– Всю ответственность беру на себя, – сухо сказал Слава. – Нам необходим этот полет. И как можно быстрее.

– Почему вы решили, что нужен полный комплект? – шеф начал сдаваться. – Кого вы имеете в виду?

– На модуле пойдут Тараоки, в качестве первого пилота, руководители секций физики и биологии Бородин и Терехов. Командование беру на себя.

– Что вы заладили – на себя да на себя. Вам что – больше всех надо? Можно было бы назначить кого-нибудь другого. И почему выбор именно такой? Любимчики, э-э?

– Во-первых, я могу полностью доверять их квалификации, а во-вторых, это не займет много времени.

– Ну, хорошо. Вы были достаточно убедительны. Даю вам максимум три часа, после чего жду у себя с докладом. Всех четверых.

Штейнберг кисло улыбнулся и отключил связь.

Слава ликовал. Это была победа. В том, что Бородин с Тереховым согласятся, он несколько не сомневался. Осталось оповестить Вивьен. Да, и надо бы связаться с Кобышом. Отсчет пошел на минуты, потому что шеф мог и передумать.

Ли подключился к каюте испытателей. Кобыш и Тернер разговаривали на хорошо знакомом ему китайском. Поверхность стола украшал радужно поблескивающий ви-адаптер последней модели, более всего похожий на обычный мобильный телефон. Когда раздался сигнал вызова, оба замолкли на полуслове и совершенно синхронно повернули головы к экрану.

– Ребята, это я, – сказал Слава по-китайски. – Польщен, что вы интересуетесь языком моих предков, – потом плавно перешел на русский. – Я сейчас иду на ПП. Ничего не хотите мне сказать перед стартом? Может, будут пожелания?

Испытатели переглянулись.

– С кем идешь, Слава? – осторожно спросил Кобыш.

– С Тараоки.

– Я почему-то так и думал. А кто еще?

– Ты считаешь, что будет полный экипаж? На основании чего?

Кобыш усмехнулся:

– Догадался... Так кто?

– Бородин и Терехов.

– Неплохо.

– И это всё?

– А ты ждешь благословения? Считай, что оно у тебя есть. Удачи. Когда вернетесь, поговорим более обстоятельно.

Во время этого быстрого разговора Тернер только благожелательно улыбался и, прищурившись, смотрел на Ли. Под занавес и он вставил свое слово:

– Больше внимания Вивьен, главнокомандующий. Она нам всем еще очень погодится.

– Спасибо, джентльмены! Это всё, что я хотел услышать. До скорого свидания.

Слава помахал рукой и нажал клавишу отбоя. Он действительно узнал то, что хотел. Эти ставшие с некоторых пор загадочными люди не сомневались в его возвращении. И он имел основания полагать, что им это доподлинно известно.

* * *

Вивьен Тараоки уже закончила проверку систем, а тучный Бородин все еще пыхтел сзади, обживая узковатое для него кресло. Терехов же освоился сразу, как будто только и делал, что ходил на модуле в испытательные рейсы. Ли исподлобья оглядел команду и не смог скрыть довольной улыбки. Они управились в полчаса, стало быть, у них оставалось еще два с половиной.

– К старту готовы, – сказала Тараоки.

Боря Калмыков, замещавший Ли на посту руководителя полетов, хмыкнул и выразительно постучал по циферблату часов. Потом считал показания приборов на центральном пульте, слегка помедлил и, наконец, произнес:

– Старт разрешаю.

– Секунду, – сказал Слава. – Вивьен, пожалуйста, замени дальность на пятьсот единиц... И вот еще что – будем прыгать без промежуточных остановок. Все объяснения потом. Приступайте.

Тараоки пожала плечами и молниеносно отстучала на клавиатуре новую вводную, затем оглянулась на Ли. Слава молча кивнул.

– Поехали, – произнесла Вивьен традиционную фразу и нажала на «Старт».

Свет в плафонах судорожно мигнул и взорвался разноцветными искрами, экраны потеряли четкие очертания, а поверхность пола поехала вбок. У всех четверых астронавтов возникло абсолютно одинаковое ощущение, будто их выворачивают наизнанку. Словно кто-то большой и обладающий неумолимой силой мягко ухватил изнутри за основание затылка и настойчиво повлек в самые недра организма, куда-то в район солнечного сплетения, сминая внешнюю оболочку и проваливая тело в самое себя, как коллапсирующую звезду, а потом взял, да и дернул обратно, резко выворачивая тыльной стороной.

Четверка шумно вздохнула.

– Ну, ничего себе... – только и смог сказать Бородин. – Охре-ен-н-ительное ощущение!

Ли с хрустом наклонил голову сначала влево, а потом вправо. Терехов ожесточенно терзал свой нос, как будто удерживался от чихания. А Тараоки молча смотрела на экран, с которого с большим недоумением взирал на них Боря Калмыков.

– В чем дело, ребята? – спросил Боря. – Неполадки? Мне показалось, у вас небольшая заминка.

В этот момент его окликнули, и он повернулся, чтобы выслушать сообщение оператора. Потом вновь обратился к экрану с еще более озадаченным выражением лица.

– Приборы зарегистрировали выпадение «ПП» из стартовых координат на две десятитысячных доли секунды... Вы что уже прыгнули?

– Да как тебе сказать, – помедлил Слава. – Судя по ощущениям – скорее да, чем нет.

– И что это было?

– Состояние резиновой перчатки, которую снимают с руки.

Боря хмыкнул.

– Сочувствую. Будете зачехляться?

– Нет. Попробуем еще раз. В другом режиме.

– Добро.

Ли оглядел товарищей:

– Вы как?

Все молча кивнули.

– Начинаем второй раунд, – сказал Слава. – Вивьен, дальность – двести восемь и восемь десятых. Подойдем к рубежу вплотную и посмотрим, что получится. А там – по обстоятельствам.

Тараоки опять пробежалась пальцами по клавиатуре, меняя полетные параметры. Потом изящно приподняла руку, взглянула на пультовый дисплей и мягко коснулась стартовой кнопки.

– Готова.

– Не слишком увлекайтесь, – произнесло изображение Калмыкова. – Ждем вас с трофеями.

– Поехали, – сказал Слава, и Вивьен завершила движение, вдавив кнопку.

Мигнули световые плоскости, поплыл интерьер, снова перехватило дыхание, и все застыли, впившись в ходовой экран.

Перед ними простиралось межзвездное пространство. Картинка была необычайной глубины и чистоты и, казалось, достаточно протянуть руку, и пара ярких звезд окажется у тебя на ладони. Невероятно, но их мерцание проникало в самые глубины сознания, вызывая жгучее желание немедленно что-то предпринять для того, чтобы оказаться там, рядом с ними, и взглянуть уже оттуда, с новых горизонтов, на многовековую колыбель человечества, на Солнце, давшее жизнь их предкам на маленькой зеленой планете.

– Да-а-а, – потрясенно протянул Бородин. – Вот где «Хаббл»-то вывешивать надо! Никакого тебе планетарного мусора.

– Ты, Андрей, сильно-то не расстраивайся, – пробормотал Ли, тоже переживая неведомые ранее ощущения. – Скоро здесь этих «Хабблов» будет столько, что не протолкнуться.

– Почему здесь? – рассеянно спросил Бородин.

– Потому что дальше нас пока не пускают, – хмуро ответил Слава. – Или все-таки пропустят? В режиме обычного полета... А? Что вы думаете по этому поводу, друзья мои?

– Если идти на обычной тяге, – сказала Тараоки, – то в пару часов не уложимся. Все-таки две десятых астрономической единицы. Считаю, что не стоит зря тратить времени.

– С точки зрения биологии, – уставившись в потолок, пробурчал доктор Терехов, – условия прокола пространства более экстремальны и необычны для человеческого организма, чем полет в нормальном режиме. И если уж нам не преодолеть Сферу в прыжке, то стандартным путем и пытаться нечего.

– А если попробовать прорваться по касательной? – задал Слава риторический вопрос.

До сих пор молчавший и что-то обдумывавший Бородин искоса глянул на него и разразился тирадой, исполненной сарказма. Опешившие от неожиданности члены экипажа услышали много интересного об общих заблуждениях всего человечества в целом и данного конкретного коллектива в частности.

Во-первых, говорил Бородин, с чего это вы решили, что всё обстоит именно так, как нам кажется? Вовсе не факт, что этот мыльный пузырь, мнящийся несокрушимой твердой, нельзя преодолеть. Только это надо делать не с наскока, а предварительно подумав, причем хорошенько подумав. А то опять получится могучий проект типа поворота северных рек вспять или попытки взрыва водородной бомбы мощностью в сто мегатонн. Опасный эксперимент с, возможно, необратимыми последствиями. Заблуждения человечества очень дорого стоят и обходятся колоссальными жертвами. Мало вам чуть не разразившейся экологической катастрофы или продырявленного озонового слоя. Слава Богу, на Земле дело обошлось. А здесь? Может, Сфера – это естественная защита планет от какой-то неведомой нам напасти. А мы – кувалдой по стенке, отделяющей нас от стада разъяренных мамонтов.

Во-вторых, Сфера – понятие чисто теоретическое. И даже не теоретическое, а скорее геометрическое. Махрово человеческое восприятие доселе неведомого явления, для описания которого пока не существует сколько-нибудь серьезного математического аппарата и уж тем

более физической модели. Вполне возможно, что это, например, частный случай из области теории гравитации, описывающей поведение пространства вблизи больших тяготеющих масс, каковой и является Солнечная система в целом. Чем не безумная теория? Искривленная зона континуума, так сказать. Или, например, изменение свойств вакуума при переходе из планетарной околозвездной области в межзвездное пространство. Что, в конце концов, мы знаем об этом? А может быть, это просто уникальное природное образование. А мы – Сфера, Сфера! Это же не опушка, которую можно объехать на кривой кобыле. Если не получилось в лоб, то где гарантия, что получится по касательной? Будем носиться по кругу до полного удовлетворения. «Нам нет преград ни в море, ни на суше!» Апофеоз человеческого высокомерия!

В-третьих, если уж зашла речь о реакциях человеческого организма, он, Бородин, не видит, в отличие от коллеги Терехова, оснований для самоуспокоения. В конце концов, с момента первого полета прошла всего лишь неделя, и это не время для серьезных наблюдений. Последствия воздействия в период полета каких-то неизвестных факторов могут проявиться и позднее. Как в случае пребывания в зоне радиоактивного заражения. И если предыдущие экипажи, в буквальном смысле слова, всего лишь касались Сферы в ничтожно малый момент времени, который и временем-то назвать нельзя, то они торчат в этой зоне вот уже без малого пятнадцать минут. Чем может обернуться для них подобное мероприятие, Бородин, как физик, даже представить себе не в состоянии.

Завершив сей продолжительный период, Бородин исподлобья оглядел присутствующих и слегка качнул головой, как бы утверждаясь в собственных выводах.

– Я вынужден согласиться с Андреем Ильичем, – обиженно молвил Терехов, – но только в одном пункте: времени для серьезных исследований действительно было мало. Но хочу заметить, что обследования испытуемых проводятся ежедневно, и не выявлено ни одного, подчеркиваю – ни од-но-го, случая каких-либо отрицательных отклонений от нормы. Наоборот, испытуемые находятся в пике формы, демонстрируя отличные результаты. Если ранее у каждого из них и были, как у всякого из людей, небольшие микроаномалии, то теперь их нет вовсе...

– Кошка Эмма, – напомнил Бородин.

– Ну да, – смешался Терехов, – действительно... Тут мы пока бессильны. Хотя смею заметить, что кошка – не человек, и параллели в данном случае неуместны.

Физик собрался было ответить, но вмешалась Вивьен:

– А как в ваши построения вписываются «Вояджер-1» и «Вояджер-2», отправленные в свободный полет за пределы системы? И до сих пор, между прочим, подающие сигналы?

Бородин замер, прекратив начатое движение, глаза его приняли отсутствующее выражение. Казалось, он мгновенно забыл и о том, что только что говорил, и о том, где он вообще находится. Как человек, полностью потерявший сцепление с реальностью.

Ли только хмыкнул. Он уже видел однажды подобное состояние Андрея и знал, что в таких случаях к нему обращаться бесполезно. Поэтому Слава приложил палец к губам и сделал круглые глаза, повернувшись к Терехову, а затем сказал Вивьен:

– Давайте-ка посмотрим показания приборов, пока наш друг обдумывает посетившую его мысль.

Тараки кивнула и запустила программу пошаговой подачи на пультовый монитор всех данных, полученных бортовой аппаратурой. Минуты три они внимательно изучали появляющиеся на экране текучие таблицы, изредка перебрасываясь короткими фразами, в которых то и дело мелькали какие-то магнитные углы, напряженности полей, орбиты и звездные склонения. С точки зрения биолога всё это было полнейшей абракадаброй, поэтому Терехов, сидевший сзади, рядом с Бородиным, расслабился, свесил голову набок и наблюдал с интересом лишь за тем, как в полусумраке рубки контуры Славы и Вивьен окрашиваются в различные цвета при изменении фона на плоскости экрана. Сомнение, посеянное в нем физиком, давало первые робкие ростки.

Самым тонким местом у всех живых существ, думал Терехов, будь то кошка или человек, является психика. Чтобы поколебать ее, достаточно минимального внешнего воздействия. В результате мы получаем либо эмоцию, либо механическую реакцию. Что происходит в этот момент в сложноорганизованной нейронной системе? Какие связи задействуются в коре головного мозга? Все эти втыкания микроэлектродов и прочие грубые воздействия на нервные клетки не дают никакого представления о самих процессах мышления и появлении каких-либо чувств. Как сказал один из известнейших нейрохирургов: «Я много раз делал трепанацию черепа и оперировал мозг, но вот ума ни разу не видел». Да... На сегодняшний день мозг так и остается самым слабоизученным органом человека. А что же такое собственно психика, и подавно никто не знает. Впрочем, религия, наверное, знает. Хотя вряд ли. Скорее немного догадывается и называет это душой. А душа – это тонкая полевая оболочка физического тела, и что с ней происходит во время прокола пространства, одному Богу известно... Вот именно...

Прихотливые изгибы вялотекущих мыслей прервал глубокий вздох из соседнего кресла. Терехов вздрогнул и повернулся на звук.

– Э-э... – сказал Бородин и потянулся всем своим немаленьким телом, по частям извлекаясь из недр кресла. – Извините, коллеги, я несколько отвлекся... Мне тут пришла в голову дикая мысль... Бред, конечно, но... Вы все знаете, что такое гравитационный коллапс?

– Наслышаны, – сообщил ему Ли, отвлекаясь от изучения таблиц. – Как и все люди, имеющие отношение к работе в космосе. Черные дыры и всё такое...

– Так вот... м-м-м... не знаю, что там с «Вояджерами», но я задал себе вопрос: что мог бы увидеть наблюдатель, находясь он внутри сферы Шварцшильда? – Физик вытянул перед собой руку с растопыренными пальцами, как бы заранее защищаясь от хора возмущенных голосов. – Нет-нет, я прекрасно знаю, какие раздраженные возгласы могу услышать! Но, коллеги, ей-богу, есть, по крайней мере, два обстоятельства, которые стоит рассмотреть – красное смещение, то есть разбегание внешних галактик, и невозможность вырваться за пределы области, ограниченной сферой. Для внутреннего наблюдателя эти два фактора будут являться жестокой реальностью. Опять же Большой взрыв, положивший начало развитию Вселенной. Каково, а?

– Ну, Андрей Ильич, ты даешь! – Слава помотал головой. – Разве ж такое возможно?

– В Мироздании нет ничего невозможного, юноша, – Бородин откинулся на спинку кресла, – зато есть многое такое, чего мы еще не знаем. И энергично отвергаем со всей величественной спесью, присущей венцу творения.

– Так ты что же, Андрей, – Терехов изумленно взирал на соседа, – хочешь сказать, что Солнечная система находится внутри черной дыры?

– Я ничего не утверждаю, – заявил Бородин. – Я лишь озвучил мысль, посетившую меня «в сии минуты роковые».

– Ну да, – сказала Вивьен, – всех озадачил и теперь наблюдает, что из этого получится...

– Вам виднее, – благодушно молвил Бородин. – Как психолог, вы должны лучше всех нас разбираться в таинстве зарождения мысли.

– Ну, хорошо, – Слава поднял руки, призывая всех к вниманию, – ну, ладно. Над этим стоит подумать. Может быть, тут есть какие-то зерна истины. Действительно, нельзя ничего отвергать сходу, если ничего об этом не знаешь. И все же, леди и джентльмены, я попросил бы вас сейчас не отвлекаться. На повестке дня всё тот же вопрос: будем прыгать по касательной или нет?

– Ничего не имею против, – пожал плечами Бородин. – Только все же прошу учесть одну деталь – при вводе дальности задайте параметр двести восемь единиц, умноженных на два-пи-эр.

– Окружность Сферы? – Вивьен вопросительно посмотрела на физика. – Зачем?

– В худшем случае мы снова окажемся в нынешних координатах, в лучшем – в точке старта, у Базы.

– А других вариантов не предвидится?

– Отчего же! Мы можем оказаться и за пределами Сферы, имея в виду наше полное незнание законов движения в режиме прыжка, но, честно говоря, я в это не верю.

– На том и порешим! – Слава повернулся к Тараоки. – Вивьен запускайте программу...

Интересные люди эти русские, думала единственная женщина в экипаже, заученными до автоматизма движениями вводя новые параметры полета. Казалось бы, неординарная ситуация, в которой главное – полное сосредоточение на достижении поставленной цели. А цель – слетать, посмотреть, попробовать преодолеть неведомый барьер, доложить о результатах. Вместо этого они рассуждают о высоких материях, пытаются немедленно разрешить проблемы, над которыми целые коллективы ученых будут долго ломать голову, всё время отвлекаются. Даже Ли, самый собранный из них, забыл выйти на связь с центром управления. Да и она тоже хороша, не напомнила. Им бы побольше американского практицизма... Вивьен виртуозно завершила последнее движение и посмотрела на Славу. Тот кивнул.

ПП дрогнул и проявился в пяти километрах от Базы.

* * *

– Где вас носит?! – Боря Калмыков был раздражен. Даже очень раздражен. – Что, трудно было переслать сообщение?

Едва засветился экран связи, гранд-инженер высказал им свое мнение о том, что он думает о них, об их полете и их поведении. Экспрессивно, доступно и не скупясь на эпитеты.

– Извини, Боря, – примиряюще сказал Ли, – но было очень занятно и необычно. Виноват, больше не повторится.

– А больше тебя никто и не пустит, – Калмыков на глазах терял остатки недовольства. – Правда, ребята, ведь сорок минут молчали. Мы тут извелись все.

– Сорок минут! – удивился Слава. – А мы и не заметили. Как-то всё довольно быстро произошло. Да что случилось-то? – глядя на притихших операторов спросил он.

– С Земли получено указание прекратить все испытательные полеты. До особого распоряжения.

– Ничего себе новости! А почему, собственно?

– Без объяснения причин. Просто констатировали факт. Если я правильно понимаю, то скоро у нас будут гости.

– Даже так? И что дальше?

– А дальше вы все отправляетесь напрямиком к Штейнбергу. Он с нетерпением ждет. Так что отстыковывайтесь, причаливайте – и на ковер.

Шеф выдерживал паузу. И пауза явно затягивалась. Наконец он, видимо, счел, что психологическая подготовка к разговору завершена, недовольно оглядел стоявших у входа испытателей и, кашлянув, произнес:

– Располагайтесь, господа... И миссис.

– С Вашего позволения – мисс, – мгновенно среагировала Вивьен, но ее тут же перебил Ли:

– Мы еще не прошли карантин, Генрих.

– С момента получения приказа с Земли карантин объявлен по всей Базе. Так что на эту тему больше не отвлекаемся. Могу вам также напомнить о нашей договоренности по поводу немедленного доклада о результатах полета. И об ответственности, которую я несу перед Землей за всех вас и вверенную мне территорию. Поэтому – располагайтесь, – он протянул руку, указывая на пристенные диванчики, – и приступим.

Подождав, пока экипаж рассядется, Штейнберг включил запись и кивнул Ли:

– Начнем с вас, Вячеслав. Каковы ваши впечатления, выводы?

Слава растерянно почесал переносицу, пригладил несуществующий вихор на затылке, потом тихо кашлянул и произнес:

– Очередная попытка преодолеть Сферу не удалась. Были реализованы два режима: первый – пробой сходу, так сказать... при исходной дальности в пятьсот астрономических единиц, второй – выход по касательной. Ни то, ни другое не привело к желаемому результату. Что же до личных впечатлений – они есть, и весьма сильные. Мы были на границе межзвездного пространства, и панорама, открывающаяся оттуда, потрясает. Мне показалось, что я слышу музыку сфер... Извините за невольный каламбур.

– Это уже эмоции... А скажите, Вячеслав, откуда взялись такие странные идеи о режимах полетов?

– Э-э-э... – Ли слегка покраснел. – Виноват, мальчишеская выходка, конечно. Просто пришло вдруг в голову, что если попробовать с разбега... или наоборот, приблизиться вплотную – и не в лоб, а под каким-то углом... – он окончательно смешался. – В общем, дурацкая попытка применить исключительно наземные хитрости при движении в режиме прыжка.

Штейнберг только хмыкнул и покачал головой.

– Что ж... отрицательный результат – тоже результат. Мисс Тараоки, что можете сказать вы?

– Ничего нового, герр Штейнберг. Сбоев в бортовом оборудовании не было. Никаких отклонений в полетном режиме не замечено. Полагаю, что Сфера – это реальное образование, а не проявление каких-либо недоработок в теории и практике внепространственного движения.

– Замечательно сформулировано, но не прибавляет ни грана информации. Действительно, ничего нового. Так... Доктор Терехов, что у вас?

Биолог, до этого чересчур внимательно рассматривавший собственные ногти на правой руке, вздрогнул, выпрямил спину и, глядя в глаза Штейнбергу, размеренно заговорил:

– Прежде всего, я должен выразить глубочайшую признательность вам, как директору Базы, за разрешение провести этот эксперимент и, естественно, крайне благодарен Вячеславу, придумавшему взять нас с собой. Одно дело – изучать результаты, полученные без твоего участия, и совсем другое – ощутить самому то, что не подвластно стороннему наблюдателю. Все эти изменения, происходящие в организме, и эмоции, связанные с ними.

– Да? – заинтересованно произнес Штейнберг, внутренне насторожившись. – И какие же?

– Полная раскрепощенность, свежесть какая-то, – прислушиваясь к собственным ощущениям, негромко сказал Терехов. – Как бы объяснить попроще? Вот вы берете мятный леденец и кладете его на язык. И сразу же во рту ощущаете приятный такой холодок, сквознячок такой бодрящий. Примерно то же самое, только во всем организме... Видимо, происходят какие-то изменения, может быть, обновление определенных структур. Теперь, я полагаю, наши исследования станут более осмысленными...

«Вот, значит, как, – думал Штейнберг, внимательно разглядывая сидящих перед ним астронавтов и стараясь не терять нить разговора, – похоже, я не ошибся в своих наблюдениях. Не только Кобыш, все они изменились. И причина тому – либо воздействие неизвестных факторов во время прыжка, либо Сфера. Они сами еще могут не знать об этом. Хотя Дмитрию я уже намекнул. Зря, наверное. Надо бы попытаться максимально использовать эту информацию, пока она известна только мне. Приоритет много значит. А у меня солидная фора – ведь все испытатели передо мной как на ладони. И их результаты тоже. Вот, например, эти четверо. Ну сущие дети... Все их мысли и эмоции можно читать, как открытую книгу. Вячеслав озадачен, искоса посматривает на доктора, видимо, не ожидал от него подобных откровений. Тараоки внешне совершенно спокойна, но мелкие детали выдают напряжение. Скорее всего, анализирует ситуацию. Интересно, к каким выводам она придет? Физик погружен в себя. Похоже, его больше интересуют собственные теоретические построения, чем то, о чем говорит Терехов. А

сам биолог, всё больше увлекаясь, вслух озвучивает первые впечатления. Как правило, самые верные...»

Штейнберг спохватился, потому что утерял-таки нить тереховских рассуждений. Досаду на себя, он попытался связать услышанное ранее с последними фразами, но понял, что опоздал.

– Собственно, у меня все, – ссутулившись и зажав ладони между коленей, сказал доктор. – По самым предварительным прикидкам, первая серия контрольных проверок займет месяца три, не меньше.

– Что ж, – шеф Базы соорудил из ладоней домик, – изложите ваши соображения в рапорте, а потом постарайтесь представить мне максимально подробный план исследований. Результаты могут быть чрезвычайно интересными, – он позволил себе улыбнуться. – Рад, что не ошибся и прислушался к вашему мнению, Вячеслав. Сегодняшний полет действительно оказался наиболее информативным. Смею надеяться, что это еще не всё.

– Благодарю за доверие, – Ли склонил голову, потом выпрямился и скрестил ноги. – Вы правы – самое интересное впереди. Наиболее революционное сообщение вы услышите из уст доктора Бородин, – он повернулся к физику и приглашающе повел рукой.

Представитель точных наук шумно прочистил горло и завозился, устраиваясь поудобнее. Штейнберг с большим интересом следил за его эволюциями.

– С вашего разрешения, – сказал Бородин, – начну с мысли, посетившей меня у границ Солнечной системы. Сама по себе она тривиальна и лежит на поверхности, но надо столкнуться с определенными условиями и обстоятельствами для того, чтобы попытаться примерить ее, так сказать, на себя. Вся сложность положения заключается в том, что проверить ее практически сейчас невозможно. Но рассчитать теоретически...

Бородин рассеянно пошевелил в воздухе пальцами, как бы прикидывая последовательность изложения основных постулатов, а потом на одном дыхании пересказал суть своих умозаключений.

В течение этого короткого доклада на лице Штейнберга последовательно менялись выражения: от слегка озадаченного до безмерно удивленного с некой примесью досады и испуга. «Ай да шеф! – опешил внимательно наблюдавший за начальством Ли. – Первый раз вижу такую потерю контроля. Похоже, его здорово проняло».

Когда Бородин завершил очередной период и умолк, Штейнберг после недолгого колебания осторожно спросил:

– Скажите, Андрей, что конкретно натолкнуло вас на такие выводы? Если не ошибаюсь, все это пребывает за гранью сегодняшних научных представлений?

– Собственные ощущения, – буркнул Бородин. – Если бы кабинетным ученым, фактически являющимся законодателями теоретической астрофизики, выпала возможность самим поучаствовать в эксперименте, подобном нашему, думаю, они во многом изменили бы свою точку зрения.

– Но, насколько мне известно, наше Солнце – довольно заурядная звезда, желтый карлик, не способный... как это... – директор в затруднении пошевелил пальцами, – вот... свернуть пространство вокруг себя...

– Да, – сказал физик, – конечно... Если рассматривать ситуацию с позиций сложившихся представлений. Вот только мы никогда ранее не сталкивались с космическими явлениями, похожими на нашу Сферу. Да и не могли столкнуться, сидя на Земле. А что происходит, когда в поле зрения науки появляется вдруг нечто, совершенно непредставимое раньше? Могу подсказать: либо происходит попытка втиснуть это нечто в рамки уже известного путем подгонки всевозможных критериев, либо нечто объявляется ошибкой экспериментатора или попросту сходу отвергается, либо, что предпочтительнее, меняются представления о мироустройстве. Все наши астрофизические теории родились на кончике пера, исходя из наблюдений, произво-

димых с поверхности родной планеты. С точки зрения внутреннего наблюдателя. А если взглянуть извне? Какой мы увидим Солнечную систему из внешнего мира? Или не увидим вообще? Если хотите, приведу ставший общим местом пример: могут ли обитатели двумерного мира, живущие в плоскости, воспринять перпендикуляр к этой плоскости? Вряд ли. Они просто не смогут его вообразить. Точка на плоскости – вот предел их наблюдений. В нашем случае примерно то же самое. Мы кое-что знаем о физических законах пространства, в котором живем, но нам ничего не известно о том, что происходит после свертывания пространства в сферу Шварцшильда. До сих пор мы рассуждали об этом как внешние наблюдатели. Все эти межпространственные туннели и переходы в другие Вселенные – чисто теоретические конструкции, никак не подкрепленные экспериментально. Вполне вероятно, что мы выдаем желаемое за действительное. В конце концов, если внутри коллапса возможна разумная жизнь, то его обитатели будут кое-что знать о физических законах своего мира, но ничего о внешнем. Ситуация, так сказать, вывернутая наизнанку и поданная с точки зрения внутреннего наблюдателя. Как вам? Ничем не хуже любой другой гипотезы. Тем более, что подтвердить или опровергнуть ее пока нечем. А?

– Вы меня окончательно запутали, – Штейнберг безнадежно махнул рукой. – Я не успеваю за ходом вашей мысли. Давайте все упростим. Насколько правдоподобно ваше предположение?

– А оно вообще неправдоподобно, потому что противоречит всем существующим на сегодняшний день знаниям. И здравому смыслу тоже.

– Ох, уж этот здравый смысл! Порой он уводит нас все дальше от истины, не так ли? Да и как разобраться, что есть истина? Например, в нашем случае?

Бородин пожал плечами.

«Интересно, – смятенно подумал Штейнберг, глядя на четверку астронавтов, – понимают ли они всё значение сделанного ими случайного открытия? Скорее всего, нет. Они поймут, но позже. Где уж им. Они же большие дети, занятые наукой. Им невдомек, что происходит в головах у политиков. А я это знаю очень хорошо. Как только сообщение о том, что наша территория ограничена пределами Солнечной системы, и звездная экспансия не состоится, дойдет до их иезуитских мозгов, начнется подковерная битва за раздел сфер влияния. И, скорее всего, не только подковерная. С таким средством доставки, как ПП, становится доступной любая планета. Все равно, что порог перешагнуть. С минимумом затрат. Сразу же начнется освоение новых территорий, невозможное без столкновения различных интересов. Самые сильные захватят лакомые куски. Это, несомненно, будут представленные здесь Америка с Россией, и, наверное, что-то достанется и Европейскому Союзу. Потом подтянутся ближайшие соперники – Китай, Япония и, может быть, Индия. У них уже есть космические амбиции и необходимый для этого потенциал. Они распределят между собой пригодные для обитания миры Солнечной системы. А что будет дальше? Звездные войны в пределах Сферы за перераспределение космических колоний? Дальше-то распространяться некуда... – Штейнберг внутренне поежился. – Эк меня занесло. Все это будет потом, а сейчас главное – не ошибиться и принять правильное решение».

– Ну, так, – подытожил шеф Базы, – разбираться – это не наша с вами прерогатива. Предоставим это Комитету. А от вас сейчас требуется только одно – быстро составить рапорт. Сколько для этого нужно времени? По самому минимуму?

Ли искоса оглядел товарищей и произнес:

– Я думаю, в час уложимся. Андрей набросает физическую составляющую, Вася – биологическую, Вивьен сформулирует полетные характеристики, а я сведу все воедино и оформлю окончательный вариант отчета.

– С Богом, – Штейнберг встал, давая понять, что время пошло. – Вас, Вячеслав, я жду ровно через час, остальные, выполнив поставленную задачу, могут быть свободны.

3

Когда последний экипаж ПП в полном молчании добрался до кабинета руководителя полетов, Ли лаконично предложил всем размещаться поудобнее. Терехов тут же уселся на откидной диванчик, нажал клавишу вывода компьютера, и перед ним из пола с негромким жужжанием сервомоторов немедленно вырос элегантный столик с плоским вертикальным монитором и удобной клавиатурой. Биолог с хрустом размял пальцы и тут же приступил к работе. Тучный Бородин по привычке шумно устраивался на соседнем месте. Тараоки же, почти приблизившись к облюбованному ей сиденью у противоположной стены, вдруг в раздумье остановилась, повернулась к физику и с самым невинным видом спросила:

– Андрей, а при чем тут красное смещение?

Ли поперхнулся и замер, упершись костяшками обоих кулаков в поверхность своего стола, а Бородин, сложив руки на животе, невозмутимо прогудел:

– Это же элементарно, Ватсон! Когда образуется сфера Шварцшильда, для внешнего мира звезда практически мгновенно перестает существовать. Вместо нее образуется черная дыра, потому что на поверхности сферы сила тяготения достигает бесконечно большого значения, и никакой луч света, более того, никакой сигнал вообще вовне прорваться не может. А внутри коллапса все вещество продолжает сжиматься и проваливаться внутрь со все возрастающим темпом. На сколько растягивается этот процесс для внутреннего наблюдателя, я лично сказать не берусь. Может быть, он длится бесконечно долго. И если мы с вами находимся внутри, то внешняя Вселенная относительно нас будет расширяться. Вот вам и разбегание галактик, и красное смещение. Я доступно объяснил?

– Более или менее. И как же мы можем существовать в таких немислимых условиях?

– Это вопрос среды обитания, – вмешался отвлекшийся от своих дел Терехов. – Вы не можете жить, например, на дне Марианской впадины, и, тем не менее, ее населяют живые существа, – он помолчал и вдруг спросил: – А вы знаете, что бывает с глубоководными рыбами, поднятыми на поверхность?

– А что с ними бывает? – настороженно спросила Тараоки.

– Их разрывает внутренним давлением. Существа, привыкшие жить в условиях колоссальных, с нашей точки зрения, нагрузок, не могут существовать там, где этих нагрузок нет.

– Вы это к чему?

– А к тому, милая Вивьен, что прежде чем штурмовать Сферу, необходимо, как минимум, знать, сможем ли мы существовать во внешнем мире. Если, конечно, верна теория уважаемого Андрея Ильича.

Высказавшись, биолог недоуменно пожал плечами, словно удивляясь пришедшей ему в голову мысли, и вновь принялся за отчет. Бородин же возвел очи гореги неспешно продолжил:

– Коллега Терехов абсолютно прав. Нам очень мало известно о мире, лежащем за пределами нашей досягаемости. Настолько мало, что мы можем делать совершенно неправильные, а зачастую противоположные истине выводы, как в том анекдоте про экспериментирующих с мухой недотёп...

– Расскажите, – потребовала Вивьен.

– Да вы что, ребята, – возмутился Ли. – Какие анекдоты! У нас всего час на составление отчета.

– Успеем, – отмахнулся Бородин и продолжил. – Так вот. Сидят двое за столом. По столу ползает муха с оборванными, чтобы не взлетела, крыльями. Один отрывает мухе лапу и говорит: «Муха, ползи!» Муха ползет. «Запиши в журнал, – говорит он второму, – муха ползет». Так они добираются до шестой лапы. После удаления последней лапы и привычной уже фразы

«Муха, ползи» муха остается лежать на месте. «Запиши в журнал, – говорит первый второму, – после того, как мухе оторвали шестую лапу, она оглохла».

– Какой-то садистский анекдот, – фыркнула Вивьен, – и к тому же глупый.

– И тем не менее, он наглядно иллюстрирует то, что мы не всегда адекватно определяем причины и суть видимых нами явлений. Я это всё к чему? А к тому, друзья мои, что Вася натолкнул меня на еще одну, довольно тривиальную мысль. Вообще-то Вселенная может быть и N-мерной, где N, опять же, может быть любым числом. Каким – остается только догадываться. А внутри сферы, в условиях гравитационной могилы, это N выродилось в число 3, которым мы и привыкли оперировать и считать, что всё Мироздание трехмерно. А это может быть глубоко неверно...

– Всё! – Слава не выдержал. – Хватит! Давайте, наконец, займемся отчетом. И напишем в нем только то, что уже прозвучало в кабинете у шефа. Более углубленным теоретизированием займемся позже и выводы пока попридержим. До лучших времен. У меня есть очень сильное предчувствие, что наши мысли очень могут пригодиться нам самим. Обсуждать это заявление не будем, просто примем к сведению. А пока давайте закончим порученное нам задание. Осталось сорок пять минут...

И в кабинете руководителя полетов наступила тишина.

* * *

Кобыш повернул голову и негромко спросил:

– Как ты думаешь, Брюс, они уже прилетели? Может, посмотришь, где они?

Тернер молча кивнул и замер, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. После довольно длительной паузы, как показалось Кобышу, физически ощутимой и вязкой, он произнес:

– Они только что вернулись к Базе. Штурм был неудачным. Но, кажется, они завезли с собой какие-то новые мысли.

– Кажется или привезли?

– Привезли, – более уверенно сказал Тернер.

Кобыш задумчиво почесал кончик носа, искоса посмотрел на своего второго пилота и, хлопнув ладонью по подлокотнику кресла, решительно проговорил:

– Пора трубить сбор.

После этих слов он примостился у стола и, пощелкивая клавишами селекторной связи, оповестил всех испытателей о предстоящем мероприятии. Он назначил встречу ровно через десять минут в кают-компани Базы. Тернер поспешно натянул джинсы и принялся зашнуровать кроссовки. Кобыш встал, застегнул верхнюю пуговицу рубашки, ободряюще подмигнул напарнику, дескать, посмотрим, кто на что горазд, и, открыв дверь, шагнул в коридор. Брюс молча последовал за ним.

Они дошли до лифтовой площадки, но, переглянувшись, лифт вызывать не стали, а направились к аварийному трапу. Им надо было подняться всего на один уровень, и для этого совершенно незачем гонять механизм. Да и размяться иногда тоже полезно. Короче, пока они добирались до кают-компани, все остальные уже подтянулись и расселись на облюбованные места.

Хромов полулежал в кресле, вытянув длинные ноги и расслабленно положив руки на подлокотники. Клеменс занимал место рядом с ним, упираясь подбородком в мягкую спинку стоящего перед ним стула. Женя Седых и Раф Дорин, одетые в одинаковые спортивные костюмы и примостившиеся в дальнем от двери углу, что-то довольно оживленно обсуждали, судя по долетавшим оттуда обрывкам предложений:

– ...под таким градусом... если без хохм... я тебя уверяю... можно позволить...

- ...полная чушь... кому это надо?..
- ...если смотреть от Солнца...
- ...да ерунда же...

Кобыш подошел к столу, за которым недавно председательствовал Слава Ли, и, прищурившись, оглядел испытателей:

– Господа офицеры! – Глаза всех присутствующих обратились к нему. – Прошу подсаживаться поближе... Разговор будет приватным.

Произошло множественное, почти бесшумное движение, и как-то очень быстро все вдруг оказались сгруппированными вокруг Дмитрия. Он коротко усмехнулся, видимо, что-то отметив для себя, и вновь заговорил:

- Я пригласил вас...
- ...чтобы сообщить пренеприятное известие, – немедленно подхватил Седых.

Кобыш недовольно глянул на него и продолжил:

– Да, ревизор едет, и это уже ни для кого не секрет. База оповещена и находится в режиме недоуменного ожидания. Можно только догадываться о цели визита, хотя мы с вами, как никто другой, способны просчитать поставленные инспекторам задачи. Я правильно понимаю?

Ответом ему было настороженное молчание.

– Значит, правильно, – Кобыш снова усмехнулся. – Мы с Брюсом уже обсудили свои новые умения в узком семейном кругу, и, чтобы никто больше не испытывал иллюзий по поводу неведения остальных членов нашей небольшой группы, начну с себя. Пока излагаю свою версию, каждый может прикинуть, с чего начать ему. Заранее предупреждаю, я не верю в то, что среди нас есть неизменившиеся. Поэтому даю вам небольшую фору.

И Кобыш вкратце рассказал о своих приключениях, не забыв присовокупить более поздние комментарии и рассуждения. Когда он закончил, тему продолжил Тернер, немедленно подержавший своего напарника и, кроме сбивчивого повествования о собственных обстоятельствах, предложивший не стесняться и облегчить душу перед товарищами. Закончил он свое выступление словами:

– Мы с вами – одна команда. Поэтому, что бы ни думали о нас остальные, между нами секретов быть не должно. Я вам больше скажу. Мы теперь меченые, и мы это знаем. И кому, как не нам, карты в руки, чтобы определить, что с этим делать дальше.

Брюс побарабанил по столу пальцами и склонил голову к правому плечу. Повисла неловкая пауза. Собравшиеся в кают-компании испытатели посматривали друг на друга, стараясь определить, кто же будет следующим, и что именно он скажет. Наконец Раф Дорин, до этого пристально рассматривавший Кобыша, негромко спросил:

– Может, по чашечке кофе?

– Хорошо бы... – буркнул сидевший рядом Клеменс и замер с полуоткрытым ртом, глядя на появившуюся перед ним тончайшего фарфора чашку на пять глотков, стоящую точно в центре не менее изящного полупрозрачного блюда с лежащей на нем серебряной ложечкой. Над поверхностью черной жидкости поднимался легкий дымок, и помещение немедленно наполнилось изысканным ароматом настоящей арабики. Пока пилоты приглядывались к растерявшемуся Клеменсу и его реакции, чашки возникли перед каждым из них, и на столешнице, внезапно превратившейся из прямоугольной в круглую, образовался полный кофейный сервиз на шесть персон с кофейником, сахарницей и сливочником посередине. Мало того, стол покрывала теперь белоснежная льняная скатерть.

– Изрядно, – только и смог сказать Хромов, до этого момента никак не проявлявший себя. – Тысяча вторая ночь...

Кобыш потрогал свисающие концы скатерти, прикоснулся к блюду, словно проверяя, не мираж ли это, и с интересом произнес:

– Значит, вот так еще?

– Да, – скромно подтвердил Раф и отхлебнул из чашки. – Прошу вас, господа. Уверю, качество гарантировано.

– Насколько это сложно? – поинтересовался Тернер.

– Не сложнее, чем выпить, – Дорин сделал еще один глоток. – Всячески рекомендую.

Кофе действительно оказался превосходным. В лучших традициях самых изысканных арабских заведений подобного рода. Астронавты микроскопическими дозами поглощали его и прислушивались к собственным ощущениям.

– Да, – выразил, наконец, общее мнение Клеменс, – замечательно получилось. И как это можно сделать?

Выяснилось, что надо просто захотеть. И очень конкретно себе представить. Раф, например, пришел к этому выводу еще в карантинном отсеке. Как-то после ужина, состоявшего, по обыкновению, из очень диетического, тщательно подобранного рациона, ему страстно, просто до изнеможения и сведения челюстей, захотелось большого зеленого яблока. Такого, знаете ли, глянцевого и пахнущего призывной свежестью. И оно таки тут же появилось. Прямо перед носом. На груди. В проеме расстегнутой молнии спортивной куртки. Он, после вкушения пресных карантинных яств, валялся на койке и примеривался слегка вздремнуть. Сон как ветром сдуло, и Дорин с азартом неопита начал экспериментировать. Пока его напарник Седых мирно посапывал на соседнем ложе, Раф сотворял все новые и новые предметы, от спичечного коробка до миниатюрного, но мощного ноутбука «Toshiba», который и вызвал наибольшие сомнения, но, тем не менее, оказался самым что ни на есть настоящим и исправно работающим. Потом ему в голову пришла ужасающая по своей обыденности мысль, и Раф остановился. Что теперь делать с этим ворохом полезных предметов, занявших добрую половину изножья его койки? Что сказать Жене, когда он проснется? Как объяснить появление посторонних вещей персоналу карантинного отсека? Словом, его мучили те же мысли, что посетили в свое время и Кобыша. Он попытался представить себе, что ничего уже нет. Проклятые продукты его творения даже не сдвинулись с места. Он закрыл глаза и мысленно отправил их в небытие. Все осталось по-прежнему. Тогда он расстроился окончательно и в порыве отчаяния единым движением смахнул всю кучу с койки в случайно представленный за миг до этого пластиковый мешок для мусора. До раскрытого мешка она не долетела. Исчезла вслед за движением руки. Равно как и сам мешок. Немного успокоившись и поразмыслив, Раф пришел к выводу, что кроме сильного желания нужна еще и вполне осязаемая эмоция. Еще он понял, что необходимо оттачивать вновь приобретенное умение. Единственное, что его беспокоило – так это камеры наблюдения, ведущие непрерывную запись состояния обитателей карантинного отсека. Тут что-то надо было предпринять. До утра по бортовому времени он так и не нашел решения. А потом, так же, как и Кобыш, убедился, что никто ничего не заметил. Дорин удивился этому обстоятельству, но объяснить не смог. Он его просто запомнил. А следующей условной ночью продолжил свои экзерсисы. Получилось гораздо лучше и проще... И вот теперь всё выходит легко и совершенно естественно, так же как свободное дыхание для здорового человека... Единственное, что его удивляет, как это Женя Седых ухитрился всё на свете проспять и ни разу не заметить его активных ночных упражнений.

– А с чего ты взял, что я проспал? – нейтральным голосом спросил Седых, взъерошив свои соломенные волосы. – Это ты, Раф, ничего не заметил. А я всё видел. Я, знаешь ли, подглядывал и анализировал. И, по мере возможности, корректировал поступающую на мониторы наблюдения информацию, – в его широко поставленных, чуть раскосых глазах мелькнуло нечто неуловимое, а на добродушном лице обозначилась сочувственная улыбка. – Это тебе маленькое «фи» за твою скрытность. С напарником положено делиться впечатлениями. Нет?

– Ты знал?! – Дорин потрясенно поставил пустую чашку мимо блюда. – И ничего не сказал!

– Так же, как и ты, – парировал Женя, взяв кофейник и наливая себе еще кофе. – А напиток действительно хорош, хотя я предпочитаю чай на травах.

– Интересно, – подал голос Кобыш, – а сейчас кто-нибудь контролирует видеокамеры? Здесь их тоже хватает.

– Естественно, мессир, – тихо сказал Седых. – Наблюдатели увидят только то, что мы захотим им показать. Не так ли, Брюс?

Тернер, не отвлекаясь от питья кофе, кивнул, мол, какие могут быть сомнения, а Кобыш вдруг ощутил на своей голове нечто, плотно охватившее ее и довольно тяжелое. Он рефлекторно вскинул руку и быстро сбросил возникший ниоткуда предмет, перехватив его на лету. Предмет оказался отливающей тусклым золотом короной, усыпанной к тому же крупными драгоценными камнями.

– Что это? – недовольно спросил он.

– Это корона, мессир, – кротко ответил Дорин, – положенная Вам по рангу. Как главе круглого стола.

– Б-балаган! – с чувством произнес Кобыш. – Как дети малые.

Ответом ему было радостное ржание. Напряжение наконец-то отпустило испытателей.

Глядя на них, полковник тоже невольно улыбнулся. «Какого черта, – подумал он, – ведь я не способен на них сердиться. А сейчас тем более. Они впервые такие после полетов. Прежние. До этого их угнетал груз обреченности на отличие от всех остальных людей, которые попросту могли не принять их, отторгнуть от себя. Каждый был с этим наедине, каждый боялся признаться даже своему напарнику. Как мы с Брюсом. Ведь только абсолютный эгоист, не ограниченный рамками морали, может упиваться собственными сверхвозможностями, дающими ему безграничную власть над обыкновенными людьми. А здесь таких нет. По определению. Они же военные летчики. И каждый из них знает, что такое прикрывать спину ведущего, и какая ответственность лежит на нем за ведомого. Они были и теми, и другими. Поэтому слово „взаимопонимание“ для них не пустой звук. Можно себе представить, как им было мучительно скрывать всё от своих товарищей. Теперь эта ноша сброшена, и пришло ощущение необычайной свободы, новых открывшихся им возможностей. Они теперь сообщество. А это уже совсем другое. Можно вместе принимать решения, можно делить ответственность за принимаемые решения на всех. Можно жить, не скрываясь, хотя бы внутри их маленького коллектива. И это само по себе уже здорово. Впрочем, я отвлекся».

Кобыш постучал ложечкой по чашке, призывая к вниманию:

– У нас не так много времени, парни, поэтому давайте продолжим разговор по существу. Но сначала хотелось бы убедиться в надежности защиты. Кто-нибудь может посмотреть в контрольном центре?

– А мы все посмотрим, – сказал Седых. – Я вам покажу.

И интерьер кают-компании мгновенно сменился интерьером аппаратного отсека Базы.

Левая стена представляла собой сплошной гигантский экран, разбитый на отдельные окна, каждое из которых воспроизводило картинку своего сектора наблюдения. Перед экраном за стойкой пульта скучал, развалившись в кресле, молоденький оператор. Они застали его в момент, когда он, едва сдерживая зевок, увеличивал изображение в одном из окон. То, что растущей оказалась именно картинка кают-компании, никого особенно не удивило. Они уже начали привыкать к чудесам. Позабавило другое. Экран демонстрировал стандартный разбор полетов. Суровый Кобыш прохаживался вдоль первого ряда стульев, нудным голосом излагая сложившуюся на текущий момент обстановку. Остальные с напряженным интересом внимали. Вся атмосфера этого собрания вызывала неудержимое желание уснуть. Кто-то из испытателей не выдержал и фыркнул, и вся компания вновь оказалась за покрытым белоснежной скатертью столом.

– Да-а-а, – Тернер покачал головой и завистливо посмотрел на Седых, – тут ты через меня плюнул, Женя. Я так не умею. Просто полный эффект присутствия. Ну, давай, теперь по всему – твоя очередь. Исповедуйся.

– Зато ты умеешь видеть и чувствовать весь объем, а я только избранный фрагмент. Так что кто кого ловчее – большой вопрос!

– Принимается, – Брюс благосклонно кивнул.

– Даже не знаю, с чего начать, – задумчиво сказал русский капитан. – Наверное, с кошмара, который мне снился, когда Раф занимался материализацией. Или мне казалось, что снился. Я падал в черный, бездонный колодец. Мрак всё сгущался, лишь то, что проносилось мимо и казалось стенками, изредка просверкивало серым. Наконец, меня окружила беспросветная, физически плотная тьма, и я стал задыхаться. Ощущение было настолько реальным, что я попросту испугался. Казалось, я обречен здесь на вечное слепое заточение. И тогда родилось такое свирепое желание вырваться оттуда, попасть хоть куда-нибудь, где можно ну хоть что-то увидеть, что я собрал все силы и крикнул. На выдохе. Как положено в кумитэ. И вспомнил, что всё есть майя. В общем, иллюзия. Я опять сконцентрировался и представил себе самое простое – койку, на которой лежу. И в следующий момент понял, что так оно и есть – я в отсеке и на койке, а где-то рядом возится Раф. Вот только тогда я успокоился и, не открывая глаз, постарался понять, что же это со мной было. На сон непохоже. Тогда что? И очень захотелось поделиться этим с кем-нибудь, а также посмотреть, чем там Раф шебуршит... Ну, я и увидел. Не открывая глаз. Понимаете, какая получилась штука: глаза закрыты, а я всё вижу. Меня это настолько позабавило, что я забыл про остальное и стал наблюдать за напарником. А он был настолько увлечен, что всё окружающее ему было до лампочки. Извлекал из воздуха один предмет за другим. Радовался, как ребенок. Я посмотрел-посмотрел на его эксперименты, и стало мне как-то скучновато. Ей-богу, глупо наблюдать за другими, когда у самого только что образовались некие странные способности. Правда, первая мысль моя была – а почему, собственно, у него проявилось одно, а у меня – другое? Ведь условия полета на нас влияли одинаково. А в том, что наши новые возможности – это результат экспедиции к Сфере, я уже не сомневался. Так вот, я прокручивал эту мысль и так, и этак, но ничего путного не надумал. Кроме того, что мы с ним – разные люди, выросшие в разных условиях. Потом я спохватился и представил себе, какая кутерьма начнется завтра, когда контролеры-биологи обнаружат в записях ночные рафовы опыты. И засадят нас с ним надолго в какую-нибудь камеру, смахивающую на колодец, из которого я только что выбрался. Во славу науки и для выявления наших уникальных способностей. С целью дальнейшего прогресса и осчастливливания всего человечества. Тошно мне стало и хмуро, ни в какую не хотелось быть образцом для homo novus. А ведь нас мог засечь и сейчас любой не в меру ретивый оператор. Тогда я решил для себя во что бы то ни стало посмотреть, что происходит в контрольном центре. Поднапрягся и увидел. Как будто сам там оказался. Сидит себе молодой парнишка у пульта и почитывает журнальчик, чтобы совсем не уснуть. До боли знакомая картина. Сам когда-то так дежурил. Ну, пока он за чтением убивал время, я нашел наше окно и убедился, что, да, все в нем видно, как на ладони. И что с этим делать? Дай, думаю, проверю, насколько простираются мои таланты. И представил себе совсем другой сюжет. До неприличия натуральный. Мы с Рафом всю ночь безмятежно дрыхнем, и нет нам никакого дела до мировых проблем. Так оно и получилось. Иллюстрация удалась на славу, комар носа не подточит. А затем я распространил это мгновение на все восемь часов записи нашего предполагаемого сна. Так вот.

– Что же ты мне утром ничего не сказал? – обиженно спросил Дорин.

– А ты? – прищурился на него Седых. – Сам-то? Я для тебя почивал без задних ног, а ты вовсю развлекался. Мог бы наутро и поведать мне, темному, на что способен рядовой испытатель.

– Да, – Раф сконфуженно почесал кончик носа, – нехорошо получилось.

– Все мы проявили себя не лучшим образом, – сказал Кобыш. – Каждый комплексовал в одиночку. Что уж теперь! У тебя все, Женя?

– Да как сказать, – Седых смущенно замялся. – Был еще один эпизод. Это уже после карантина. Раф ушел в спортзал, а я решил немного попрактиковаться. Проверить на всякий случай, всё ли по-прежнему со мной. Ну, сижу, значит, прикидываю, с чего бы начать. Решил для затравки коридор «посмотреть». А тут как раз появляется из-за поворота боевой товарищ Хромов...

– Ага, – облегченно произнес до сих пор не принимавший участия в разговоре майор, – так это твоих рук дело! А я-то думал, у меня от нервов глюки.

– Тихо! – веско произнес Кобыш. – Прения потом. Продолжай, Женя.

– Ну, я и решил ему «картинку» показать. Дождался, когда он дошел до своей каюты и дверь открыл. Тут я и включился. Гляжу, выскакивает обратно, глаза круглые, башкой крутит и ничего понять не может. Вроде его дверь, а за дверью-то... – Седых непроизвольно хохотнул. – В общем, показал я ему мужской, вполне земной туалет. Небольшой такой. Все в кафеле, как положено, кабинка там, рукомойник, сушилка, писсуар. Над писсуаром здоровенный такой мужик трудится. Струя что у слона. Как только дверь открылась, он голову повернул и этак раздраженно рявкнул: «Занято!» Натурально получилось...

– Да уж, – подтвердил Хромов, – натуральной некуда. Можете себе представить. Вхожу в свою каморку, а попадаю в ватерклозет. Поначалу решил, что в задумчивости дверью ошибся. Отрабатываю реверс, смотрю – нет, моя каюта. Какого черта! Только потом дошло, что на Базе таких сортиров нет, да и мужика этого в первый раз вижу. Снова вхожу – каюта как каюта, все на месте. Ну, думаю, только этого мне не хватало...

– Звуковая картинка? – восхитился Тернер. – Да ты гигант!

За столом оживились, но Кобыш пресек веселье в зародыше.

– Я надеюсь, – хмуро сказал он, – ты больше ни на ком такие опыты не ставил?

– Ей-богу, командир, единственный случай в истории...

– ...болезни, – подсказал кто-то.

Кобыш не выдержал и тоже улыбнулся, но сразу постарался принять серьезный вид:

– Парни, давайте-ка сначала выясним все наши обстоятельства. Праздновать будем потом. Если будем... У нас остались Клеменс и Хромов. Вот и послушаем, что они скажут.

– И скажем, – подтвердил Хромов. – Что мы, хуже других?

Он подмигнул Клеменсу, степенно откашлялся и приступил к изложению.

Как сразу же выяснилось, у последней пары был полный консенсус. Хотя, надо признать, получилось это совершенно случайно. И тоже во время пребывания в карантине. Точнее, все началось на второй условный день, после того, как Джеку приснился приятный во всех отношениях сон. А снился ему родной дом в Колорадо-Спрингс, зеленая лужайка во внутреннем дворике, мама, сидящая в шезлонге у парапета бассейна, отец в проеме поднятых ворот гаража. С отцом у него с детства сложились самые теплые отношения. Старший Клеменс был для сына всем – и другом, и советчиком, и учителем, и примером для подражания. Когда Джек решил стать летчиком, отец поддержал его без колебаний, в отличие от мамы, которая мечтала видеть своего мальчика адвокатом, а обо всем остальном и слышать не хотела. Сон же перенес его во времена отрочества, когда ни о чем подобном еще и речи не шло. Понятное дело, что проснулся Джек в томительном состоянии духа, немного полежал, стараясь как можно дольше удержать это ощущение, потом пошлепал в душевую кабинку чистить зубы. Мысли об отце не покидали его. «Здорово было бы его сейчас увидеть», – расслабленно думал Клеменс, выдавливая из тюбика зубную пасту и поднося щетку ко рту. Он его и увидел. В зеркале. Вместо себя. Несколько секунд он потрясенно всматривался в знакомые до мелочей черты, потом медленно поднял левую руку и ощупал лицо. Ощущения были его, а вот внешний вид...

Таким его и обнаружил Хромов, заглянувший в душевую кабинку через приоткрытую дверь. Увидеть в карантинном отсеке незнакомого полуголого мужчину – событие из ряда вон! И майор застыл в ступоре, лихорадочно перебирая варианты. Но незнакомец уже заметил его и стал неторопливо поворачиваться. Лицо его как бы затуманилось и потекло, да не только лицо, но и все тело. И в следующее мгновение он оказался Джеком Клеменсом, привычным уже напарником и соседом по каюте.

– Ряд волшебных изменений милого лица, – растерянно пробормотал Виктор. – Что это было?

– Хотел бы я знать, – в тон ему ответил Джек и задумчиво потер лоб.

Так они впервые узнали о необычных способностях Клеменса. С трудом дождавшись вечера, а на это были свои резоны, потому что ночью режим наблюдения за карантинниками упрощался до предела – всего лишь запись на видео, они уединились в слепой зоне и затеяли ряд экспериментов. Сначала метаморфозы удавались Джеку с некоторым напряжением сил, но потом дело пошло. Они перебрали всех общих знакомых, и Клеменс поочередно перевоплощался то в самого Хромова, то в Тернера, то в Кобыша. Особый прикол был, когда Джек превратился в Вивьен Тараоки. «Очень необычные ощущения, – сказал он, – никогда не думал, что смогу стать женщиной». Наконец они уgomонились, по ходу дела прикинув, что может являться причиной проявившихся способностей, и что, собственно, теперь с этим делать, и залегли в койки, пожелав друг другу спокойной ночи. Но Хромов уснул не сразу, он лежал и размышлял. «Хорошо Джеку, – думал он, – его на Земле ждет семья, в которой ему уютно и благолепно. А меня, в общем-то, не ждет никто. Отец с матерью выполнили свой родительский долг, выкормили и вырастили меня, но особой близости между нами никогда не было. Как-то так не получилось. Да и не интересовались они, по большому счету, моими обстоятельствами. Они были всегда заняты своими, взрослыми, проблемами. Нет, спрашивали, конечно, как дела в школе, с кем я дружу, чем занимаюсь в свободное время. Как будто трудно было хоть немного в этом поучаствовать. Они даже не заметили, как я вырос. И мое заявление о том, что я уезжаю из родного города и поступаю в летное училище, они встретили как-то отстраненно. „Ты уже взрослый, сам и решай“, – сказал отец, не отрываясь от утренней газеты...»

В офицерской общаге, где он делил комнату с коллегой-одногодком, жизнь была скучна и размеренна. А также вполне предсказуема. На буднях – полеты, тренировки, служба; в выходные – однообразная развлекаловка: телевизор, холостяцкие междусобойчики, изредка – девочки. Ему было неинтересно. Да и близких друзей у него как-то не случилось. Зато у него было увлечение. Появилось оно совершенно случайно. Увидел по «ящику» один из фильмов документального сериала «Планеты и звезды». Пусть это и были в основном компьютерные реконструкции, но зрелище его заворожило. И он буквально заболел космосом, как когда-то в детстве, начитавшись фантастики. Несколько месяцев урезал свое скромное офицерское жалование, чтобы купить подержанный ноутбук. Потом поднабрал учебных и специализированных программ и с головой погрузился в изучение Вселенной. Собственно, это и привело его в отряд испытателей. Право на пребывание в нем он вырвал зубами в суровой конкурентной борьбе.

И вот сейчас он лежал и думал о том, что действительность опять оказалась проще и грубее, чем его представление о ней. Хотя, пожалуй, только здесь, среди единомышленников, он впервые почти приблизился к понятию «семья». Мысли цеплялись одна за другую и выстраивались в длинные-длинные цепочки. «Вот Джек захотел увидеть своего отца и увидел. А чего хочу я? Чего *по-настоящему* хочу я? Все ставшие действительно близкими люди находятся здесь, на Базе. На Землю меня пока не тянет. Хотя, конечно, хотелось бы посидеть на зеленом берегу. Летом. Где-нибудь в лесной глуши. И чтобы ветерок был, и солнце не очень жарило... Но это не самое сильное желание. А какое сильное? Может, как в детстве? Когда прочитал, например, „Аэлиту“... Кто не читал „Аэлиту“ в детстве. Кто не мечтал побывать на Марсе. На *таком* Марсе, как у Толстого... Или у Брэдбери...»

Он представил себе зеркальную гладь каналов, высокое темное небо с двумя серпиками, замысловатые строения вдаль... И в груди защемило. Детское воспоминание навалилось непреодолимой глыбой, смяло его и, вместе с тем, неуловимым образом распахнуло душу...

Хромов оказался на Марсе. Он стоял почти голый, в одних трусах, ощущая босыми ступнями мерзлую шершавую поверхность песка. Где-то в уголке сознания билась истерическая мысль о том, что всё, брат, хана тебе. Он сразу понял, что попал туда, куда хотел. Сомнений не было. Добился своего, придурок. Дышать здесь нечем, холод зверский – и минуты не выдержишься. Но минута прошла, а он был всё еще жив. Более того, он совершенно не ощущал лютого мороза, да и дышалось довольно легко. Хотя как сказать. Похоже, он не дышал вообще. Тогда он несколько отмяк и огляделся. Естественно, ни романтических аборигенов Брэдбери, ни красавицы-марсианки, взывающей: «Где ты, сын неба?» он не обнаружил. До самого горизонта, насколько хватало обзора, простиралась унылая, всхолмленная равнина с разбросанными по ней кое-где ущербными кучками искрошенных каменистых обломков. И мертвая, давящая на разум тишина. Вот тогда он почувствовал ледящее душу, немыслимое одиночество. Один на застывшей неживой планете. Совсем один. Так недолго и с катушек слететь. Ну, конечно, ползают где-то тут американские исследовательские автоматы. Но ему-то что до них? Хотел посмотреть Марс? Посмотрел. Исследователь хренов. Сбылась мечта идиота...

Но первый шок уже прошел, и спасительная мысль всплыла в самое время. Раз он смог оказаться здесь, то точно так же он сможет и вернуться на Базу. Он отчетливо представил себе дрыхнувшего на боку Джека, а рядом свою пустую койку с полусползшим на пол одеялом, тепло и уют родного карантинного отсека. Хочу туда, подумал он, невероятно хочу. И очутился на еще не остывшем ложе.

Наутро он первым делом рассказал Джеку о своем ночном вояже. Клеменс моментально возбудился. «Слушай, – сказал он, – это же потрясающе! Без „папки“, без скафандра, без всяких технических наворотов. Один на один со стихией. Ну, парень, ты даешь! Ты же пионер телепортации и феномен гомеостаза! Как ты думаешь, научиться этому можно?» «Наверное, можно, – осторожно ответил Хромов. – Ты же как-то научился метаморфозам. А у меня получилось другое. Может, попробуем друг друга натаскать?..»

Ничего, конечно, из этой затеи не вышло, хотя старались вовсю. Потом Клеменс предложил Виктору больше пока не рисковать, а при удобном случае поделиться соображениями с другими испытателями. «Может, сообщая что-нибудь и придумаем. Наверняка остальные тоже не без способностей». На том и порешили.

Хромов закончил рассказ в полной тишине. Некоторое время никто не шевелился, видимо, каждый из пилотов наедине с собой пытался осмыслить всё, выясненное в кают-компании. Наконец Кобыш решил подвести итоги.

– Мы все тут услышали и увидели много интересного, такого, что не вписывается в рамки обычных человеческих представлений. Поделились друг с другом впечатлениями, избавились от ноши, которую каждый тащил в одиночку. Пришли к выводу, что наши новые умения проявились в результате полетов к Сфере. Но вот *что* явилось решающим фактором для пробуждения этих умений – Сфера или прокол пространства – неизвестно. Вообще вопросов стало больше, чем ответов. Почему телепортироваться можем только мы с Хромовым? А считывать и преобразовывать информацию – только Тернер и Седых? А Дорин и Клеменс так и вовсе непарные, один – телекинетик, другой – спец по метаморфозам. Почему именно так? Ведь условия полета были у всех одинаковы.

– Не совсем, – поправил его Дорин. – Маршруты были разными.

– И что с того? – поморщился Кобыш. – Ты, Раф, летал с Седых. У вас что, реализовались одинаковые способности?

– Может, какое-то значение имеет внутренний настрой человека? – задумчиво сказал Клеменс. – Или его увлечения, предпочтения? Хобби, наконец. У Хромова хобби – астроно-

мия, космос, он и попал прямиком на Марс. Я – несостоявшийся биохимик, отсюда и проявленная возможность метаморфоза.

– Да, это предположение первым приходит в голову. – Кобыш потер лоб. – Но я бы сформулировал несколько иначе. Как бы это получше объяснить... – Он пошевелил пальцами. – Главное – в первом подспудном желании, которое пришлось на момент реализации новой функции. Хотя, с другой стороны, почему именно оно оказалось первым? Может, оно всегда было основным? И сидело где-то глубоко в подсознании, и мы его всячески задвигали поглубже, зная, что его исполнение невозможно? Мне, например, очень часто хотелось оказаться где-то совсем в другом месте и в другое время. Что в результате и произошло. Хромов бредил космосом, мечтал о других мирах, но все получилось несколько не так, как он себе представлял. Тогда он взял свое тайное желание и привел его в соответствие с действительностью. Дорину, наверное, всегда не хватало элементарного комфорта в быту, Тернер с детства привык менять компьютерную виртуальность по своему желанию, а Седых – приверженец восточных философий, и определение «Всё есть майя» сомнений у него не вызывает. А одну иллюзию можно попытаться заменить на другую. Где-то так...

– Мне нравится это «где-то», – фыркнул Женя. – «Вы где-то свинья!» А где именно?

Тернер и Клеменс вздрогнули и настороженно посмотрели на него.

– Идиома, – буркнул Дорин. – Советую сильно не напрягаться.

– А откуда это известно тебе? – с сомнением спросил Джек. – В Израиле тоже так говорят?

– Мои родители – эмигранты из России. Так что русский для меня – второй язык.

– Вот как? – Тернер приподнял бровь. – А я-то думаю, как это ловко у вас с Женей получилось разыграть командира! Будто заранее договорились. Ну, с короной-то... Он начал, а ты сразу прихватил. Сами задумали или предсказал кто?

– Подсказал. Русский писатель Михаил Булгаков, гений милостью божией.

– А-а-а... – Брюс с уважением посмотрел на Дорина. – А я вот читал мало, все не получалось как-то.

– Не печалься, – сказал Раф. – Еще наверстаешь. Какие твои годы...

Кобыш, что-то вполголоса, голова к голове, обсуждавший с Хромовым, наконец, кивнул и повернулся к остальным:

– Джентльмены, позволю себе краткое резюме нашего совещания. В результате полетов у каждого из нас реализовались весьма своеобразные способности, не присущие подавляющему большинству людей. Я допускаю мысль, что у некоторых представителей рода человеческого такие возможности есть, и, более того, они задействованы и даже совершенствуются в меру сил и представлений об оных силах. Но это, так сказать, таланты, проявленные в процессе постепенной эволюции. У нас же другой случай. Наши способности возникли в результате воздействия пока неизвестного фактора. Толчком к их обнаружению каждым из нас послужили, по крайней мере, три причины. Первая – сильное желание, вторая – подсознательная область интересов и, наконец, третья – эмоция. Исключение – Тернер. В его случае я не усматриваю ни желания, ни эмоции.

– Погоди-ка, командир, – возмутился Брюс, – по поводу эмоции ты неправ. Мне было просто хорошо тогда. Приятная, как это... вот... – охренительная... истома, у меня всегда так бывает после хорошо заполненного дела. Да, пожалуй, и желание все-таки было. Правда, очень глубоко. Желание приразвлечься. А развлечение у меня одно – погонять компьютер в экстремальных режимах. Вот оно и случилось, просто в другом виде.

– Тогда всё укладывается в предложенную схему, – Кобыш скупно улыбнулся, – без исключений. Второй пункт резюме – существует ли возможность перенять друг у друга наши умения? Пусть каждый подумает на эту тему. Наверняка есть какие-то ходы, но мы о них пока ничего не знаем. А чтобы узнать, надо, парни, поднапрячь голову. Но только прошу вас – ника-

ких из ряда вон выходящих экспериментов! Либо, если совсем уж немоготу и захочется проверить свои предположения – только с гарантированной подстраховкой. А еще лучше будет, если тут же оповестите остальных. Жаль, что среди нас не появилось телепатов. Задача могла бы упроститься.

Третий пункт. Может быть, не все еще знают о том, что «папка» совершил еще один рейс, причем с полным экипажем. Пилотировала Вивьен, а экипаж состоял из Славы Ли, Василия Терехова и Андрея Бородина. Надеюсь, все знают, кто они. Так что, парни, у нас скоро появятся компаньоны. Если уже не появились. Советую над этим тоже поразмыслить. Сотрудничество обещает быть очень плодотворным, тем более, что все они большие специалисты в своих областях знаний. Мне кажется, с ними мы получим ответы на многие вопросы, беспокоящие каждого из нас.

И, наконец, последнее. Когда придет высокая инспекция и начнет задавать каверзные вопросы, следите за собой. Мы не должны предоставить им ни малейшего намека на то, что мы изменились. Вполне возможно, что они уже догадываются о происходящих здесь неординарных событиях, тем более, что информация о Сфере в Бернский центр была предоставлена. Мы выполняли обычные полеты. Не более того. Если же ситуация начнет выходить из-под нашего контроля, придется принимать адекватные меры. Какие именно, покажет будущий расклад. Все согласны с предложенным резюме?

Пилоты синхронно кивнули. Общую подспудную мысль выразил Клеменс:

– Все понятно, командир. Мы сейчас – лакомый кусок для спецслужб и всевозможных закулисных воротил. В лучшем случае нас упекут куда-нибудь в секретный институт для исследований с целью массового производства суперсолдат, в худшем – просто уничтожат для гарантированного сокрытия важной информации и серьезно возьмутся за это дело сами. Так что дураков среди нас нет.

– Я рад, что вы независимо пришли к такому выводу, – сказал Кобыш. – А теперь, парни, по местам. Переходим в режим ожидания, но размышлений о наших обстоятельствах не прекращаем. Всем быть на связи.

* * *

Ли щелкнул клавишей, и экранная анимация, подмигнув, показала, что отчет ушел к Штейнбергу. Слава с облегчением вздохнул и посмотрел на ученых. Терехов по-прежнему сосредоточенно возился с компьютером, а Бородин сидел, вытянув ноги и уставившись в пространство отсутствующим взглядом. Тогда Слава скосил глаза, чтобы увидеть, чем занимается Тараоки, и обомлел. Вивьен смотрела на Бородина, и лицо ее было белым, как свежесвыпавший снег, а зрачки и без того темных глаз медленно расширялись. В следующее мгновение она судорожно вздохнула и стала неуклюже заваливаться набок. Ли рванулся из-за стола, стараясь в едином стремительном движении дотянуться до Тараоки и не дать ей упасть на пол. Он почти успел и подхватил ее в тот самый момент, когда голова ее уже коснулась коврового покрытия. Следующим среагировал Терехов, довольно быстро выбравшийся из-за терминала и сделавший даже несколько семенящих шагов в направлении Вивьен. И только Бородин продолжал неподвижно взирать в никуда, но через несколько ударов сердца он тоже вернулся в реальность и растерянно приподнялся, опираясь на подлокотники кресла.

– Что с ней?! – оторопело спросил Ли у приблизившегося биолога. Тот нагнулся, взял женщину за кисть и, нахмурившись, начал определять пульс. Наконец он выпрямился и неуверенно произнес:

– Очень похоже на шок. Только непонятно от чего.

– Помоги-ка, Вася, – пробормотал Ли, и вдвоем они осторожно уложили Вивьен рядом с диванчиком, после чего руководитель полетов метнулся к холодильнику и, открыв дверцу,

буквально вырвал из гнезда литровую пластиковую бутылку с родниковой водой. В один миг оказавшись рядом с распростертым на полу телом, он сорвал колпачок, набрал в рот воды и прыснул в лицо Тараоки. Потерявшая сознание женщина застонала и неуверенно шевельнулась...

Рушились и создавались миры. Колоссальной мощи взрывы раздирали гигантские звезды и рождали океаны немислимых энергий, уничтожавших все вещество в пределах досягаемости. Сжимались в невидимые точки гигантские области пространства, перетекая в другие невообразимые измерения. Расслаивалась, вырождалась и преобразовывалась в нечто совершенно запредельное межгалактическая материя. Атомы вырастали до размеров Вселенной и принимали конфигурации, смысл которых разум уже не мог воспринимать, отчаянно цепляясь за остатки приобретенных на протяжении жизни знаний, тонувших во всем этом многообразии. Пересекались, переливаясь друг в друга, бесчисленные призрачные структуры Мироздания, пронизываемые бесплотными нитями, связывающими всё и вся. И множество живых, источающих доброжелательность душ (именно душ, или сутей, или как их еще можно определить – в человеческом сознании не существовало подобных понятий) следило за этими процессами, вмешивалось в них, принимало активное участие в актах всеобщего творения и посылало осязаемые совсем уж на грани восприятия импульсы куда-то в бесконечность и вместе с тем вовнутрь себя, общаясь с тем, что было везде и всегда. А это самое «везде и всегда» бесстрастно принимало информацию, перетасовывало ее в соответствии с какими-то своими представлениями и вносило соответствующие коррективы в ткань Мироздания. Никакие слова и образы не годились для описания внезапно затопившей разум лавины ощущений.

Это было как шокирующий удар наотмашь по незащищенному и неподготовленному человеческому сознанию, и мозг Вивьен мгновенно закусился и сорвался в спасительное небытие.

* * *

Изнуряющий процесс поднимания налитых свинцом век, казалось, растянулся на целую вечность. Потом в узкой щели поля зрения появились две смутные, склонившиеся над ней фигуры. Постепенно, по мере возвращения чувствительности, фигуры начали обретать объем и четкость, и Вивьен узнала растерянно и пристально ее рассматривающих Терехова и Ли. Взгляд ее, наконец, окончательно сфокусировался, и она увидела приближающегося, уходящего головой в невиданные выси Бородин. Зрачки опять стали расширяться, и она еле слышно прошептала, пытаясь поднять руку и указать на физика пальцем:

– Это он... Он разговаривал с Богом...

С трудом расслышавший последние слова Слава недоуменно взглянул на Бородин и, повернувшись к Терехову, спросил:

– Что она сказала?

– Она сказала, что Андрей разговаривал с Богом, – нахмурившись, сообщил биолог.

Бородин грузно присел на корточки, потом встал на колени и, наклонившись к Вивьен, успокоительно прогудел:

– Всё хорошо, девочка, и всё будет хорошо. Богу сейчас не до нас, он решает другие проблемы. У него они свои, а у нас пока совершенно иные. И давай-ка не будем нервничать, а во всем спокойно разберемся. Возьми мою руку и постарайся встать.

Физик протянул огромную лапищу, в которую Тараоки робко вложила свои хрупкие, сразу же утонувшие в ней пальчики, и осторожно потянул ее на себя, другой рукой обхватывая женщину за талию.

– Вот так, – приговаривал он, – вот и славненько. Сейчас мы присядем на диванчик и немного придем в себя. Посторонитесь-ка, ребята, не видите, что ли, – даме нужно больше простора и кислорода... Вот так... Удобно ли тебе, девочка?

– Можно подумать, – слабо улыбнулась Вивьен, – что это вы психолог, а не я.

– Всем нам изредка приходится быть психологами, – тихо ответил Бородин и тут же обратился к Ли. – Слава, ну, сколько можно стоять, вытаращив глаза! Поддай-ка леди минералки!

Ли как ветром сдуло. Он моментально оказался у холодильника, вытащил из него запотевшую бутылку «Нарзана», схватил со стола стакан и рысью вернулся обратно, не забыв по пути добавить мощности кондиционеру. Как по волшебству, наполненный шипящей жидкостью стакан оказался в руке у Тараоки. Один Терехов не принимал участия в начавшихся передвижениях. Он так и застыл на прежнем месте, отсутствующим взглядом скользя по участникам мизансцены и, видимо, делая какие-то свои выводы.

– Спасибо, Слава! – сказала совсем уже оттаявшая Вивьен. – Эх, мужчины! Всегда бы вы были так предупредительны.

– Ну, не всегда же при нас женщины падают в обморок, – галантно поклонившись, молвил Бородин, – а то бы у нас была возможность поупражняться.

– Типун тебе на язык! – проворчал Ли. – По мне, так лучше б этого не было вовсе.

– Чего? – изумилась Вивьен. – Предупредительности?

– Обмороков, – смутился Слава, – всего лишь обмороков! А вообще-то, – он тут же взял себя в руки, – теперь, когда всё уже позади, хотелось бы услышать из первых, так сказать, уст, чем именно вызвана ваша столь удручающая реакция, сударыня?

И тут Тараоки опять привела окруживших ее мужчин в замешательство. Им очень отчетливо показалось, что она изучающе посмотрела одновременно на всех сразу. Взгляд был проникающим и вызывал ощущение некоего дискомфорта.

– Вот что, – медленно проговорила Вивьен, – может, не будем делать вид, что мы остались прежними, и ничего особенного не случилось. Хотя бы перед собой. Мы претерпели трансформацию, и вам это хорошо известно. Вы, Слава, – она в упор глянула на Ли, – добились того, чего хотели. Теперь вы можете разговаривать с испытателями на равных и точно знаете, что прыжок к Сфере порождает новые качества сознания со всеми вытекающими последствиями.

Вы, Андрей, уже убедились в том, что выдвинутая вами теория коллапса Солнечной системы несостоятельна, рассмотрели несколько вариантов образования Сферы, но ни на одном не остановились. И слава Богу, потому что вы пока даже не подозреваете, на что способно ваше неуправляемое воображение.

Вы, Вася, уже выяснили наверняка, что прогрессивное развитие нашего с вами нынешнего социума ведет в тупик. Эволюция человека разумного лежит совершенно в иной области. Ну, кто мне скажет, что я ошиблась?

Все трое молча смотрели на нее, видимо, прикидывая, с чего начать.

– Только, пожалуйста, по очереди, – предупредила Вивьен.

– Телепатия, а? – заинтересованно спросил Терехов. – Вы читаете наши мысли?

– Нет, – ответила Тараоки. – Это нельзя назвать телепатией в прямом смысле. Тут другое. Я могу стать любим из вас или сразу всеми вместе. Вернее, я могу думать, как вы. Если можно так сказать. Но это не слова и не понятия, а, скорее, образы и то, что стоит за ними. То есть, как бы это выразить... – она мучительно подыскивала подходящие по смыслу определения, – я ощущаю работу не только вашего сознания, но, одновременно, и подсознания тоже. Наверное, так будет почти правильно.

– Во-о-на как, – протянул Терехов и покосился на Ли с Бородиным. – И что же вы, милая барышня, ощутили такого, от чего, извините за грубость, просто отключились? Надо полагать, что сработал некий защитный механизм?

– Да. Думаю, что так. Заслон от перегрузки. Я увидела то, что представлял себе Андрей, но, вместе с тем, и то, что может произойти в будущем и, надо сказать, уже происходило в прошлом при физической реализации подобных представлений. С такими вещами надо обращаться крайне осторожно и бережно, потому что последствия могут быть ужасны.

– Ничего особенного я себе не представлял, – обиженно заметил Бородин, – я всего лишь рассматривал возможные модели структуры Вселенной вообще и нашей области пространства в частности. Что тут ужасного?

– В данном случае – ничего, потому что вы еще не достигли уровня творящего взаимодействия сознания с реальностью. Ваше подсознание, а правильное будет сказать, надсознание, к счастью, не участвовало в процессе. Вернее, участвовало, но только как приемник информации, а не творческая функция. Вижу, вы меня прекрасно понимаете...

– Чего уж тут непонятного, – рассудительно произнес Бородин. – Вы просто озвучили наши мысли и расставили слова по порядку.

– Вот и чудесно. Я рада, что мы пришли к общему знаменателю. Было бы неплохо, если бы все-таки высказался каждый. Для закрепления, говоря языком учебников, пройденного.

– Да, – проговорил Терехов. – Для закрепления. И для осознания. Вы правильно определили, Вивьен. Я действительно думал о путях развития человечества в свете, так сказать, вновь открывшихся обстоятельств. Мы зашли в тупик. Предпочтительные направления прогресса определяют власть имущие. Предпочтительные для них, а не для всего социума в целом. И прогресс в большинстве случаев имеет губительные последствия, потому что служит стяжанию неких материальных ценностей и благ, а не совершенствованию духа и сознания каждого человека. Взять хотя бы убийственное воздействие рекламы и низкопробных развлекательных программ на неокрепшие умы. Пир животных инстинктов! Может быть, вы не знаете, но пошел уже третий десяток лет, как на Земле пытается проявиться новый вид – так называемые «дети индиго», дети, обладающие распахнутым навстречу новому сознанием и предназначенные для будущего. А мы их насильно опускаем до нашего уровня, тем самым калеча их мировосприятие, потому что нет у нас приемлемой для них системы воспитания и не предусмотрено соответствующих моральных ориентиров, кроме тех, которые навязываются, опять же, сверху. Это печально. Но сегодня нам наглядно продемонстрирован другой путь. Путь, выводящий из тупика и не имеющий обозримых пределов. Наша задача – постараться подтолкнуть к нему если уж и не всё человечество, то хотя бы лучшую его часть. Примерно так.

Тараоки одобрительно кивнула, а Ли, беззвучно похлопав в ладоши, вежливо сказал:

– Ты нам определил, Вася, прямо-таки моисееву стезю. Сколько же лет понадобится для этого? Тоже сорок? С такими начинаниями нас прихлопнут гораздо раньше. Опять же, судя по твоей речи, потому что дело воспитания подрастающего поколения всегда находилось под пристальным оком государства, и оно направляло его своей мозолистой рукой. Но это – дело будущего, пусть и близкого, а сейчас меня интересуют способности наших испытателей. Что скажете, Вивьен?

– Не хитрите, Слава, – Тараоки погрозила ему пальцем. – Вы могли бы сами рассказать нам о них, потому что и так уже догадались о многом, хотя, может быть, и не обо всем. Впрочем, я могу озвучить эту тему. Не столько для вас, сколько для наших коллег. Как и всякая другая женщина, я люблю находиться в центре внимания, поэтому извольте, – и она, отсекая подробности, конспективно изложила результаты только что состоявшегося в кают-компании совещания, а потом перешла к выводам. – У испытателей другой уровень работы с физической реальностью, они на ступень ниже нас с вами. А все потому, что когда-то затормозились в развитии, отдав предпочтение своим авантурным наклонностям. Чтобы совершенствоваться дальше, сознание человека должно непрерывно трудиться, расходуя огромное количество психической энергии и тем самым постоянно повышая планку. Вот, например, мы затратили этой самой энергии гораздо больше, чем они, в частности – на собственное обучение. Поэтому,

в конечном итоге, и оказались на ступеньку выше, хотя грань, их разделяющая, довольно эфемерна с точки зрения Разума более высоких порядков. Мы уже в состоянии оперировать абстрактными понятиями, правда, это чисто человеческое представление, на самом же деле не такие они и абстрактные, скорее наоборот, вполне конкретные действия со вполне конкретными материями. Они тоже поднимутся на нашу ступень, но им нужна будет помощь, и я им помогу. Что же до нас четверых, то здесь еще проще – каждый может проделывать все те штуки, которыми забавлялись пилоты, причем легко и непринужденно, но до сих пор ни у кого даже не возникло подобного желания. Мы были заняты более серьезными мыслями, да и времени прошло – всего ничего.

– Мальчишки, – добродушно пробасил Бородин. – Хотя я их очень хорошо понимаю.

– И как же вы собираетесь им помочь? – заинтересовался Терехов.

Черты Вивьен неуловимо исказились и снова стали прежними. Как будто легкая рябь пробежала по зеркальной поверхности воды.

– Я не могу выразить это словами, – мягко сказала она. – Я просто знаю, что могу это сделать. Я получила такую способность, которая, грубо говоря, называется – замыкать круг. Я – Замыкающая Круг. Это легче показать, чем объяснить. Представьте, что вы водите хоровод, соедините руки, – она встала и шагнула к мужчинам, – а я возьму за руки крайних.

Всё закончилось, не успев начаться, в тот краткий миг, вместивший в себя прошлое, настоящее и будущее четверых человек, когда они ощутили прикосновение к своим ладоням ладоней друзей, и снова неуловимая рябь передернула теперь уже все пространство кабинета.

«Путь начат, – мысленно произнесла Вивьен и почувствовала тройное ментальное прикосновение, отчетливо теплое и располагающее. – То же самое мне надо совершить с пилотами».

«Не сейчас, – отозвался Ли. – Еще не сейчас. Пусть они немного подрастут».

4

Четырехзвездный генерал Фредерик Хоуп еще раз перечитал несколько скрепленных степлером листочков и теперь уже гарантированно пришел в серьезное замешательство. Было от чего. То, что лежало перед ним, по сути, являлось недельным дайджестом рапортов, ежедневно поступающих из бернского Центра проекта ПП. Исключение составлял последний, сегодняшний, отчет. Он был приведен без сокращений, и из него следовало, что пересечь границу Солнечной системы не удалось ввиду появления на пути ПП-1 непреодолимой преграды, условно названной «Сферой». Все попытки превозмочь неожиданное препятствие окончились провалом. Наблюдатель в Берне настоятельно рекомендовал немедленно доложить обстановку Президенту и срочно принять меры для выяснения мельчайших подробностей испытательных полетов. Манера изложения явственно говорила о том, что наблюдатель нервничал. Причем нервничал сильно. Это состояние передалось и генералу, и хотя за пятьдесят лет безупречной службы он научился никоим образом не выдавать своих эмоций, тем не менее, его правая рука жила сейчас отдельной жизнью – «Паркер» выписывал на полях отчета неровные восклицательные и вопросительные знаки. Наконец, предварительная стадия ознакомления с бумагами завершилась, информация кое-как улеглась в положенные ей ячейки генеральской памяти, а сам он, слегка помедлив, надавил на клавишу селектора.

– Слушаю, сэр, – послышался голос полковника Редфорда.

– Насколько я помню, Кевин, – сказал Хоуп, – все наши наблюдатели в НАСА и в бернском Центре, а также аналитическое подразделение нашего Комитета подчиняются непосредственно вам?

– Да, сэр.

– В таком случае жду вас с подробностями через пять минут.

Хоуп снова пробежал глазами последний листок. В свои шестьдесят девять лет, несмотря на глубоко въевшуюся привычку беспрекословно подчиняться приказам вышестоящего начальства, он сохранил способность абсолютно логично мыслить и связывать едва заметные причины и следствия явлений, казалось бы, не имеющих никакого отношения к основному предмету его интереса. За это его и ценили в Вашингтоне. Вот и сейчас, слегка пригладив кончиком мизинца седую бровь, он подумал: «Неужели самые худшие и многолетние мои подозрения оправдались? Блокирована не только и не столько Земля, но вся Солнечная система. Значит, развязка уже близко? Или нам просто отсекли дорогу к звездам? Если они способны на такое, тогда мы со своими ПП им все еще не соперники...»

Дверь мягко открылась, и в кабинет бесшумно скользнул Кевин Редфорд.

– Прошу вас, полковник, – Хоуп кивнул на ближайшее из располагавшихся вокруг обширного стола кресло и, подождав, пока его подчиненный завершит необходимые действия, двумя пальцами приподнял релиз и напряженно спросил. – Что вы обо всем этом думаете?

– Мне кажется, то же, что и вы, сэр, – осторожно ответил Редфорд, глянув на бумаги – Я слишком хорошо знаком с материалами «Голубой книги».

– Тогда докладывайте, – жестко сказал генерал. – Четко, сжато, концептуально. С момента обнаружения неизвестной преграды время работает против нас.

Полковник уложился в двенадцать минут, обрисовав в мельчайших деталях всю ситуацию, создавшуюся к настоящему моменту на Базе ПП, и подчеркнув при этом, что информация предоставлена сотрудником Комитета в Берне и может, мягко говоря, не совсем соответствовать действительности.

– В чем конкретно? – спросил Хоуп.

– Аналитики считают, сэр, – немедленно ответил Редфорд, – что необходимо обратить особое внимание на два обстоятельства. Первое – возврат ПП в точку старта. Это говорит о

том, что на аппарат было оказано целенаправленное воздействие. Второе – поведение испытателей после полетов, которое можно отчетливо видеть на записи вчерашнего собрания научного персонала и сотрудников Базы. Поведение неадекватно всем более ранним наблюдениям. Следовательно, воздействие было оказано и на людей.

– Как вы это определили?

– Существует много способов, сэр. Смею вас заверить, что у нас в руках находится один из самых совершенных. Наши аналитики совместно с программистами и психологами, лучшими из тех, кого мы сумели найти и привлечь к нашей работе, создали некий информационный продукт для снятия с человека или его изображения наиболее полных психо-энерго-эмоциональных характеристик. «Слепок души», так сказать. Так вот, новые характеристики испытателей не соответствуют снятым с них ранее. Даже их глаза... Не надо быть специалистом-психологом, нашего с вами опыта вполне достаточно, чтобы, глядя в их глаза, можно было понять, что они знают гораздо больше того, что говорят...

– Пятая колонна, а?

– Этого нельзя исключать, сэр.

– Выводы?

– Лежат на поверхности, сэр. Мы имеем дело с неизвестной могущественной силой, перекрывшей границы Солнечной системы и меняющей психику астронавтов, вступавших с ней в контакт, по своему усмотрению. Учитывая то, что известно из многолетних исследований в рамках проекта «Голубая книга», можно сделать только одно более или менее достоверное предположение – «наблюдатели» перешли к активным действиям. Решающим фактором, подвигнувшим их на это, стало испытание ПП.

Генерал, насупившись, некоторое время обдумывал услышанное, а потом, вздернув седую бровь, раздраженно произнес:

– А не кажется ли вам, Кевин, что уровень техники неопознанных объектов из «Голубой книги» не соответствует возможностям нашего нынешнего анонима?

– Кажется, сэр. Но одно дело – околоземное пространство и совсем другое – открытый космос. Вблизи поверхности планет они могут использовать совсем другую технику, скажем, из боязни повредить будущие подконтрольные территории. Мы ведь тоже не летаем к Луне на мотоциклах. И вообще об их возможностях нам мало что известно.

– Да, пожалуй... Пока вынужден с вами согласиться... И какие же ответные действия предлагают наши многомудрые аналитики?

– Первое. Изолировать любую информацию о положении на Базе ПП, а также саму Базу и ее персонал. Второе. Немедленно отправить на орбиту компетентную контрольную группу с целью тщательного исследования всех обстоятельств, возможно, удастся выявить то, что могло ускользнуть от нашего внимания. Третье и, видимо, самое важное, потому что реализация этого пункта требует привлечения колоссальных сил. Речь идет о как можно более быстром развертывании крупносерийного производства ПП и использовании готовых аппаратов для доставки на планеты и спутники Солнечной системы людей и грузов. Необходимо рассредоточить силы, создать обширную сеть достаточно удаленных военных баз, тогда противнику будет труднее справиться с нами. Это азбука, сэр.

– Азбука, да... Ну, а если от нас только этого и ждут, чтобы спровоцировать конфликт и начать оккупацию?

– Маловероятно, сэр. Они могли много раз сделать это до появления ПП, что было бы, согласитесь, гораздо проще. Теперь же мы получили средство мгновенной доставки в любую точку пространства, и единственное, что они сделали, – перекрыли выходы из системы. Тут что-то другое, сэр, и узнать, что у них на уме, мы можем только познакомившись с ними поближе, а знакомство лучше начинать, имея хотя бы приблизительный паритет. Не так ли?

– Да, бесспорно. – Хоуп опять насупился. – Вот что, Кевин, оставьте-ка все ваши материалы мне, чтобы можно было спокойно поразмыслить, а сами отправляйтесь и немедленно приступайте к формированию инспекционной группы. Через сутки группа должна быть готова к старту с мыса Канаверал, можете не сомневаться, Президента я смогу убедить в необходимости подобного шага... И вот еще что. Командование группой вы возьмете на себя, а в вашем тесном коллективе должно быть как минимум два пилота, обученных управлению ПП. Пока все. Можете идти.

– Да, сэр! – полковник скользким движением руки отправил папку с материалами в путешествие по гладкой поверхности стола к Хоупу, а сам поднялся, машинально наклонил голову и, мягко вышагивая, направился к двери.

Генерал проводил его отеческим взглядом и раскрыл папку. Суточные отчеты, аналитические выводы, графики и схемы перемещений ПП внутри системы, карты пошагового сканирования психоматриц испытателей... Это интересно... Ну и термин придумали – «психоматрица»! С-с-специалисты! Разложили человека на составные части... Хотя для наших нужд это даже и полезно. А здесь что? План развертывания контрмер... так... ничего сверх того, что уже услышано. Странные парни служат в аналитическом отделе... времени им не хватило или просто не доработали?.. Что значит изолировать информацию? Образуется вакуум, который надо чем-то заполнить, иначе его заполнят другие. Например, так – межзвездные полеты пока придется отложить, потому что возможности ПП оказались ограниченными. Хороший пассаж. И нам есть куда отступать, и на русских отбрасывается легкая тень, дескать, не сумели парни до конца решить техническую задачу – шуму было много, а в результате гора родила мышь. Средний обыватель сразу почувствует себя увереннее. Далее так: но ученые Проекта продолжают свою кропотливую работу, и уже скоро орбитальная База превратится в первый космический порт, обслуживающий внутренние линии Солнечной системы. Звучит неплохо. Особенно для горячих голов. Все остальное они придумают сами, с их-то воображением... Есть тут, правда, одна угрожающая неприятность – оказанное на людей постороннее воздействие. Будет обидно, если Базу придется закрыть, в худшем случае – уничтожить. Надо бы узнать в Берне, как обстоят дела с дальнейшей разработкой ПП. Может быть, уже нет необходимости в орбитальных станциях, более того, уже возможен старт непосредственно с Земли? Надо обязательно поинтересоваться! Что-то еще... Да, конечно. Все-таки Редфорд не прав. При таком уровне технологий, когда возможна блокировка целой Солнечной системы, средства наблюдения тоже должны быть иными. Тут все-таки явная нестыковка – летающая посуда из «Голубой книги» и инкогнито, поставивший непреодолимый барьер в пространстве. Это гораздо страшнее, чем любые неопознанные объекты, страшнее, потому что непонятнее и неосязаемее. Неуловимее? А кто пытался поймать? Или договориться?..

Даже в случаях с НЛО не с кем было договариваться и не о чем. Никаких агрессивных действий не предпринималось. С их стороны. С нашей – да, было. Пытались сбить. И сбивали пару раз, но ведь над своей территорией... И ничего. Всё сгорало к чертовой матери, или оставались довольно фрагментарные обломки непонятных конструкций и, в лучшем случае, странные тела, более всего похожие на муляжи. Нынешняя ситуация не имеет ничего общего с прошлыми. Некто предполагаемый, потому что никто его не видел, не слышал и не осязал, оставляет следы своего вмешательства в наше бытие – силовой барьер в пространстве и измененную психику людей, прикоснувшихся к этому барьеру. Зачем? Демонстрация силы? Так просто? Нет, не вяжется! Хотя определенные резоны тут есть. Нам ограничивают жизненное пространство и предположительно запускают в нашу среду агентов влияния. Тест на профпригодность и реакцию? Сумеем ли мы обнаружить этих самых агентов и что, собственно, мы будем делать дальше? Возможно, возможно... Примерно так и надо будет преподнести Президенту, чтобы получить карт-бланш на любые дальнейшие действия. А какие? Ну, во-первых, отправка группы из восьми человек, то есть полного экипажа, на Базу с целью взятия сложив-

шейся ситуации под наш полный контроль и проведения разведывательных действий на основе всей имеющейся в нашем распоряжении информации. А дальше – по обстоятельствам. В зависимости от того, что удастся обнаружить. Договариваться же с русскими о производстве ПП – прерогатива Президента. Он сумеет это сделать, если для такого шага будет достаточно оснований. И надо постараться, чтобы оснований было достаточно. Отступать уже некуда.

Фредерик Хоуп бережно закрыл папку, скользнул взглядом по настенным часам и потянулся к аппарату связи с Президентом.

Президент был молод, ему не стукнуло еще и сорока пяти. Когда двери Овального кабинета закрылись за спиной Хоупа, глава Соединенных Штатов шагнул ему навстречу, протягивая руку и обнажая в улыбке безукоризненные зубы. Он был похож на Джона Кеннеди в его лучшие годы. Несомненно, похож. Только звали его иначе – Чарльз С. Дуглас. Генерал помнил Кеннеди. Во времена Карибского кризиса, когда он только получил лейтенантские звезды, это лицо не сходило с телевизионных экранов. И потом тоже. Когда случилась трагедия, ввергшая страну в многодневный шок. Оказалось, что не так уж это и трудно – убить надежду Америки. Он хорошо усвоил урок и, наверное, отчасти из-за былой юношеской впечатлительности с возрастом стал одним из лучших специалистов по предотвращению кризисных ситуаций. Во всяком случае, так считали и в администрации Президента, и на Капитолийском холме, поэтому при создании Комитета по контролю за космическими исследованиями (как своими, так и чужими), подчиняющегося непосредственно главе Белого дома и обладающего почти неограниченными полномочиями, кандидатура Хоупа на должность шефа новорожденной организации была утверждена подавляющим большинством голосов. Были, конечно, и сомневавшиеся, считавшие, что крупный ученый с мировым именем смотрелся бы на этом месте гораздо привлекательнее. Но железная логика Президента, видевшего будущее несколько иначе и, как ныне выяснялось, более верно, не оставила камня на камне от доводов оппонентов. И вот теперь, как бы ни высокопарно это звучало, час пробил.

– Располагайтесь, генерал, – сказал Президент, приглашающе поведя рукой в сторону кресел, где уже сидели двое молодых людей. – Я надеюсь, все знакомы друг с другом, и никого представлять не надо.

Все трое, глядя друг на друга, утвердительно кивнули. Хоуп сразу узнал новоиспеченных экспертов администрации. Один из них, Уильям Мартин, был известным астрофизиком, специалистом в области межзвездной материи, второй, Говард Эш, – компьютерным гением, создателем совершенных моделирующих программ. Любопытно, подумал Хоуп, как в нашем случае Президент намерен их использовать? Как людей, способных разобраться в головоломной ситуации и найти единственный правильный ответ? Что ж, посмотрим...

Глава Белого дома стер с лица улыбку, прошел к своему креслу и занял место за столом. После этого он, прищурившись, посмотрел на генерала, и негромко произнес:

– Мы вас слушаем, Фредерик.

Хоуп отметил это «мы», мгновенно оценив расстановку сил в кабинете, еще раз мельком подумал о том, как все-таки чертовски похож нынешний Президент на своего легендарного предшественника из шестидесятых годов прошлого века, и приступил к изложению сути дела, обещавшего большую головную боль всем правительствам мира.

Когда он закончил, Чарльз С. Дуглас хмуро поглядывал на своих экспертов, а те, в свою очередь, не сводили глаз с генерала. Высокий, склонный к полноте Мартин смотрел изучающе, как бы прикидывая, что еще можно извлечь полезного из предоставленной Хоупом информации, а Эш настороженно поблескивал стеклами очков, небрежно сидящих на хищном орлином носу, видимо, старался представить себе будущее развитие событий.

– Вопросы? – наконец сказал Президент, ломая хрупкую тишину.

– Не понимаю! – взорвался астрофизик. – Почему все-таки все считают, что Сфера – это не естественное образование?

– Возврат ПП в точку старта, – напомнил Хоуп.

– И что?! – вновь вспыхнул Мартин. – Ни о чем это еще не говорит. Едва высунув нос в не такой уж дальний космос, мы столкнулись с явлением, превосходящим наши нынешние знания, и тут же поспешили объявить его происками пришельцев со звезд. Чуть! Я уж скорее готов согласиться с мнением моего русского коллеги Бородина, хотя далеко не всё мне в нем нравится. Во мнении, не в Бородине. А возврат в точку старта... Да, пока необъяснимо. Подчеркиваю – пока. Надо посчитать, поработать с моделями, может, и выявится какая-то закономерность. По большому счету мы еще и не приступали к практическому изучению законов Вселенной. Вот давайте и приступим. Только без ажиотажа.

– А что вы скажете об изменении психики людей? – Хоуп не сдавался.

– Я специально просматривал все материалы, касающиеся состояния пилотов до и после полетов в космос, – подал голос Эш. – И материалы НАСА, и русские источники. Они довольно единодушны во мнении, что даже ближний космос меняет психику людей. Что уж говорить о дальнем. Астронавт до старта и астронавт после выхода в пространство – это два разных человека. Так что, действительно, не перегибаем ли мы палку?

– Многолетние исследования в рамках проекта «Голубая книга» говорят о том, что земное человечество находится под наблюдением, – мрачно сказал генерал. – Надеюсь, против этих фактов вы не станете возражать.

– Да, – недовольно произнес Эш, – тут действительно много непонятого и не поддающегося строгому анализу. С этим как-то... – он пошевелил пальцами, не найдя нужного определения.

– Вот именно, – Хоуп строго посмотрел на него. – До сих пор правительства всех стран стараются скрыть подобную информацию. А дыма без огня не бывает. Не хотелось бы повторения июльских событий пятьдесят второго года. Прошлого века, разумеется.

– Неопознанные объекты над Белым домом и Капитолием? – уточнил Президент, выказывая приятную для генерала осведомленность. – Вы всерьез полагаете, что это может произойти вновь?

– По роду своей службы, сэр, – Хоуп перевел взгляд на Дугласа, – я всегда обязан предусматривать самый худший вариант.

– Тогда вы должны согласиться, что 11 сентября 2001 года народу Соединенных Штатов был причинен более тяжкий урон, чем тот, который смогли нанести все ваши вместе взятые тарелки за всё время своего существования. И это были всего лишь террористы, то есть обычные люди, которых профукала наша доблестная служба безопасности, если, конечно, в этом ужасном событии не было двойного дна...

– Прошу прощения, сэр, – генерал спокойно перенес пощечину Президента, – но все-таки попытайтесь меня понять. Если сентябрьский террористический удар стал трагедией для Америки, то следствием нынешних событий может стать оккупация всей Земли, а это будет уже *ка-та-стро-фа!* И оправданий для нас с вами, знавших, но не сумевших или не захотевших сию катастрофу предотвратить, не будет никогда.

– Умеете бить в слабое место, Фредерик, – осуждающе сказал Чарльз С. Дуглас, – этого у вас не отнимешь. Ну, хорошо... Что, собственно, вы предлагаете?

– Основных предложений два, – быстро заговорил Хоуп, – отправка инспекционной группы на Базу ПП с целью получения стопроцентно достоверной информации и масштабное развертывание производства аппаратов ПП на Земле, имея в виду максимально ускоренное освоение пространства Солнечной системы.

– И только-то! – Президент, не скрывая иронии, усмехнулся. – Ну, а мне, надо полагать, вы отводите роль скромного посредника между вами и русскими?

– Лучше вас этого никто не сделает, сэр!

– Я в курсе. Тем более, что программа ПП приоритетна для России, ни с кем другим они и разговаривать не будут. А кого, генерал, вы намерены отправить на орбиту?

– Команду из восьми человек, сэр. В нее войдут два пилота ПП из нашего резерва, четыре квалифицированных специалиста по нештатным ситуациям и психолог-эксперт, в совершенстве владеющий гипнозом. Возглавит ее полковник Редфорд.

– Да-а-а, – протянул Мартин, двумя пальцами оттягивая узел галстука вниз, – «Звездные войны», эпизод седьмой! «Комитет наносит ответный удар»! Ваши квалифицированные парни – из спецназа, да?

– Помолчи, Уильям, – оборвал его Дуглас, – ты еще успеешь сказать свое слово. Ради Бога, генерал, что это вы затеваете? Пожалуйста, поподробнее. И зачем вам еще два пилота? Ведь на Базе есть наши астронавты.

– Я должен убедиться в том, что они все еще наши, сэр! – И без того тонкие губы Хоупа превратились в едва заметную твердую складку. – Для того я и посылаю именно такую команду, чтобы исключить любые случайности. Параллельно с тестированием психоматриц испытателей должен состояться рейд ПП с моими людьми к Сфере. Они захватят с собой пару орбитальных ядерных ракет класса «космос – Земля» для проверки преграды на прочность...

– Тысяча извинений, мистер Президент! – вновь завелся астрофизик. – Такого рода эксперименты должны проводиться учеными, а не спецназом Комитета...

И снова Дуглас остановил Мартина, на этот раз резко хлопнув ладонью по столу и свирепо глянув в его сторону. Потом мальчишески подмигнул Эшу и обратился к Хоупу:

– Не отвлекайтесь на него, генерал, глава государства пока что я. А с этими господами я имел честь когда-то учиться в одном колледже, поэтому они питают, как, впрочем, любые гении, совершенно искренние иллюзии, что мы все еще на равных. Мне это пока не мешает, хотя в будущем они вынуждены будут снять розовые очки, единожды убедившись в том, что решения здесь принимаются не коллегиально. Но их мнение я буду учитывать всегда, потому что они – лучшие в своих областях знаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.